

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр КАЛМЫКОВ

СПАСАТЕЛЬ

Надеть доспехи не значит превратиться в воина!

Annotation

XIII век. Монгольское нашествие на Русь. Эксперт-спасатель отправлен в прошлое с задачей уберечь от уничтожения Святыню — тайную монастырскую летопись XI века. А в итоге ввязывается в спасение семилетнего городецкого княжича Ярослава.

Но у этого вмешательства есть другая сторона — приходится вместе с жителями «злого города» Козельска отбивать осаду монгольского войска!

Александр Калмыков

Спасатель

После перехода органы чувств, потрясенные случившимся, как обычно, не действовали и лишь через несколько секунд начали приходить в норму. Сначала заработало обоняние, и голова буквально закружилась от хвойного запаха. В двадцать первом веке такие ароматы можно найти только в самых дальних лесах, где мы проводили тренировки. А здесь, в тринадцатом веке нашей эры, чистый свежий воздух, не испорченный цивилизацией, — это обычное явление.

Вскоре включилось и зрение, позволив мне увидеть покрытые снегом деревья и затянутое тучами мрачное небо. Слух обычно возвращался последним, но его я ждать не стал и резво вскочил на ноги. Хотя перед забросом сенсоры просканировали окрестности на предмет наличия крупных живых существ, однако долго расслаиваться незачем. Убедившись, что на месте не оставил ничего из снаряжения, я направился в ту сторону, к которой был обращен лицом после заброса. Заблудиться я не боялся. Конечно, не имея компаса и не видя солнца, в лесу можно легко заплутать, но недалеко отсюда проходила дорога, ведущая прямо к цели.

Вещей у меня немного, куда меньше, чем хотелось бы. Но, к сожалению, из экипировки в прошлое можно брать лишь то, что не является анахронизмом в данном времени. Поэтому вместо современного бронезилета на мне лишь обычная куртка из лосиной кожи с нашитыми железными пластинками, надетая на толстый шерстяной кафтан, служивший одновременно поддоспешником. В таком кафтане тепло, и удары он неплохо смягчает. Шубу я брать не стал, ограничившись лишь теплым плащом. Середина марта даже в тринадцатом веке не слишком холодная, так что гипотермия мне не грозит. Хотя сейчас температура еще держится ниже нуля, но я бы мог даже вспотеть от энергичной ходьбы, если бы не препарат, отключающий потовые железы. Его вкалывают всем спасателям, и надо заметить, это очень удобная штука. Можно не опасаться схватить воспаление легких, да и вообще чувствуешь себя намного комфортнее. Опять-таки, если вдруг по следу пойдут волки или охотничьи собаки, то им будет труднее найти меня по запаху.

Что же касается брони, то к выбору доспехов наша Служба подходит основательно. Их для каждой конкретной миссии подбирают индивидуально, в зависимости от характера предполагаемых инцидентов. С одной стороны, маленькие чешуйки или кольчуга не сковывают движений, но плохо держат колющие удары. Ведь хотя по твердости они всего лишь соответствуют лучшим средневековым образцам, но не превосходят их ни на йоту. С другой стороны, крупные пластинки позволяют выдержать удар копья, но в такой броне труднее двигаться. Ее стараются надевать, когда возможно столкновение с тяжелой конницей, например, рыцарской. Но в этой миссии особые опасности не предвидятся, и для выхода в прошлое мне вручили нечто среднее между перечисленными выше вариантами, так сказать, на все случаи жизни.

Главным, что у меня имелось из оружия, и, пожалуй, единственным, был меч, тоже полностью соответствующий местным образцам. Хороший, достаточно прочный и в меру гибкий, но не более того. Никаких легирующих добавок в нем, разумеется, нет, а то еще потерю в сече или тьфу-тьфу, снимут с трупа, а ушные археологи потом откопают удивительную находку. Правда, и в средневековье иногда попадаются исключительные образцы оружия, обладающие выдающимися характеристиками. Теоретически, копию таких

шедевров мне могли бы сделать. Однако ходить с подобным сокровищем в одиночку опасно, уж очень дорого они ценятся. В лучшем случае, князек какой увидит диковинный меч с чудным узором на клинке и купит не спрашивая. Может, конечно, и цену справедливую назначить, но спасателю от этого не легче, ведь меч утерян. Вот и приходится отправляться на задание со средненьким в общем-то клинком, да еще чуток подернутым легкой ржавчиной. На такой точно никто не позарится. Под стать ему и кинжал, выкованный отнюдь не из хромистой стали, плюс небольшой ножик для еды. В принципе, вопросами гигиены здесь никто не заморачивается, и во время трапезы дружинники кромсают мясо тем же самым ножом, которым вспарывают живот врагу или разделявают дичь. Однако мода на кинжалы уже начала появляться, так что наличие двух ножей для разных целей никто удивляться не будет.

На этом список оружия и заканчивался. Я, конечно, слышал, что кое-кто протаскивал в прошлое нечто посовременнее примитивного холодного оружия, но сами понимаете, если археологи найдут... В общем-то, на изумление историков мне наплевать, все-таки жизнь, которую может сохранить пистолет, дороже, да и ученые спишут находку на случайные факторы. Но вот Служба сразу поймет, кто шурувал на данном участке пространства-времени, и выявит виновника. В тюрьму, конечно, не посадят, потому что статьи «контрабанда в прошлое» в Уголовном кодексе не существует. Но зато уволят без пенсии и выходного пособия, что будет весьма обидно, ведь практически всю жизнь готовился к этой работе.

Вот так и получается, что я топаю по территории древнего княжества, полного опасностей, с самым примитивным арсеналом. Лук не беру принципиально, чтобы не позориться. Конечно, с современным блочным луком, оснащенным оптическим прицелом, можно любого Робин Гуда за пояс заткнуть, но разве ж такой анахронизм сюда протащишь. Впрочем, еще вопрос, кто кого заткнет. Ведь у спортсменов максимальная дистанция стрельбы составляет девяносто метров, а тут лучники начинают прицельную стрельбу с трехсот шагов, а это двести двадцать пять метров. Так что соревноваться с предками нашим современникам не с руки. Конечно, у молодых курсантов всегда возникает вопрос, почему будущих спасателей, специализирующихся на средневековье, так мало учат стрелять. Но после первого же семестра ответ становится очевидным. Судите сами: мы должны освоить архо-лингвистику, этнографию и историю данного периода на уровне как минимум кандидата наук. Кроме того, еще имеется уйма дисциплин, начиная с теологии, древнего права, прикладной психологии, выживания в лесу и заканчивая владением кистенем. И по каждому предмету требуется длительная практика. Одна только верховая езда в полном снаряжении по пересеченной местности чего стоит. Специально для нас пришлось возрождать это древнее искусство, ведь без него в прошлом никак. Так что спасатели умеют не только на лошади скакать, но при этом еще и чем-нибудь тяжелым размахивать, без риска свалиться от своего же богатырского замаха. А если ты тяжеловооруженный витязь, то требовать от тебя меткой стрельбы никто не будет. На Руси уже давно произошло разделение конницы на тяжелую и легкую, и если выбирать, кого изображать спасателю — полностью одоспешенного знатного воина или лучника-простолюдина, то обычно предпочтение отдают первому варианту. Бить из лука белку с тридцати шагов тут умеет каждый второй, потому что с детства тренировался. А вот на полном скаку поймать копьём подброшенную шапку сможет далеко не всякий, потому что верховая лошадь стоит как целый терем, а на обычной кляче не потренируешься. В общем, для придания себе солидности и получения веса в

обществе желательно иметь имидж витязя, а не простого охотника.

Правда, есть маленький нюанс — перебросить в прошлое лошадку технически просто, но очень уж дорого. Для этого половина электростанций страны должны несколько дней работать только на науку. Ведь как известно, при открытии прохода в прошлое, затраты энергии пропорциональны четвертой степени размера портала.

Надо сказать, что теорию перехода в прошлое мы, спасатели, изучаем весьма поверхностно, ограничиваясь лишь практическими аспектами. И не потому, что ленивые или нелюбопытные, таких сюда не берут, а по одной очень веской причине. Стоит углубиться в изучение теории, и становится понятно, насколько несовершенна эта наука, работающая на эмпирических правилах, для объяснения которых придуманы десятки гипотез. После этого прыгать в прошлое будет просто страшно. В общем, самое главное, что спасатели усваивали на учебе — при прыжке нужно минимизировать массу перемещаемого груза и размер канала. Если не сел на корточки, а переносишься стоя, то диаметр сферы увеличивается в два раза, объем — в восемь раз, а затраты энергии — в шестнадцать. Про лошадь и говорить нечего, такие затраты Служба не потянет. Так что от коня у меня остались лишь шпоры и уздечка — новая, украшенная серебряными пластинками, чтобы все видели, что человек перед ними не простой. Ну, а что лошадь и слуг потерял, так то понятно. Путешествовать по здешним дебрям, да еще во время войны, задача не из легких, и накладочки случаются.

Под статью уздечке у меня и одежда — чуть поношенная, но достаточно нарядная. Богатство также подчеркивали серебряные пряжки и нашейная гривна. Последняя, хотя и несколько вышла из моды, но ничего экстравагантного собой не представляла, выполняя одновременно функции и знака отличия, и заначки на черный день. Вот уже после монгольского нашествия, когда запасы серебра поистощатся, мужчины совсем перестанут носить украшения.

О моем высоком социальном статусе свидетельствовали и остроносые сапоги с красной полосочкой, почти как у князя. Довершали снаряжение типичного древнерусского воина маленький щит, висящий на спине, и котомка с притороченным к ней шлемом. Еще имеются наручи и кольчужные рукавицы, но они лежат в мешке, чтобы не пугать прохожих. Доспех-то в любом случае приходится тащить на плечах, это же не кольчужка, которую легко свернуть и спрятать, а вот все остальное надевают только перед боем или грабежом.

И вот, споро шагая по тропинке, натопанной кабанами или местными дровосеками, я быстро добрался до прорубленной в сосновом бору просеке, ведущей в нужную сторону. По ней всю зиму действовал проторенный санный путь, так называемый зимник. Еще здесь можно ездить летом, когда земля просохнет. А вот как дорога выглядит во время распутицы, просто страшно представить. Скорее всего, в таком состоянии ее вообще никто никогда не видел, потому что не смог до нее добраться. Но сейчас, покрытая утрамбованным снегом, она пригодна и для пешего путешествия, и для езды на санях.

Проверив направление, хотя ошибок быть не должно, я потопал к городу. Усталые мышцы раздраженно напряглись, предчувствуя дальнюю прогулку, но я не обращал внимания на их недовольство. Меня больше волновала миссия. Мне так и не дали толком сосредоточиться на ней перед отправкой, потому что сослуживцы радостно поздравляли меня с двойным юбилеем. Во-первых, это мой десятый выход в прошлое, чем могут похвастаться очень немногие спасатели. А во-вторых, так совпало, что сегодня я прыгаю ровно на восемьсот лет назад, плюс несколько дней. Правда, у нас в двадцать первом веке

уже почки распускаются, а тут, в 1238 году, еще сугробы лежат. Но что поделаешь, глобальное потепление. Впрочем, климатология меня сейчас мало волнует, потому что я размышляю о том, сумею ли выполнить задание, да и вообще, смогу ли вернуться обратно. При средних потерях личного состава двадцать пять процентов в каждой операции шансы на возвращение не очень-то и большие.

К счастью, сосредоточиться на грустных рассуждениях было трудно. То и дело из кустов вспархивали птицы, нарушая ход мыслей, или дорогу перебежал заяц. Хорошо, что не взял с собой лук, уж очень сильным был соблазн подстрелить какую-нибудь дичь. Хоть и воспитанный в духе гуманизма и сбережения природы, я настолько вжился в свою роль, что поведением полностью соответствовал средневековому человеку. Однако, если увлечешься охотой, то не заметишь, как весь день пролетит. Поэтому пришлось идти дальше, мысленно пообещав птичкам вернуться к ним в будущем с луком и пострелять вволю. И подумать только, когда-то фантасты утверждали, что при любом малейшем изменении прошлого создается новая вселенная. Наступил на гусеницу — и раз, создал новый мир. Прошелся по лесу, давя насекомых, и целая гроздь вселенных заполонила пространство-время. Смешно, не правда ли? Но ведь чтобы создать килограмм вещества, нужно потратить столько энергии, сколько содержится в атомной бомбе! Что уж говорить о создании целой планеты, галактики, а тем более миллиардах галактик! Нет, на самом деле все гораздо проще. Поменять прошлое нелегко, а если это все же удалось, то никаких новых вселенных не возникнет. Просто, вернувшись обратно, ты заметишь какие-нибудь изменения. Все это давно проверено, и неоднократно. Наша Служба ставила опыты, совершая безобидные, но бросающиеся в глаза действия, вроде швыряния ботинками и тортами в известных политиков. Такие события четко фиксировались в истории, ни на что особо не влияя. А вот если совершишь глобальные изменения, то обратно тебя уже никто не вернет, потому что ни Службы, ни даже страны уже не останется.

А вот, кстати, и попутка — обычная кошевка, влекомая худенькой, отощавшей за зиму лошадкой. Пассажиры выглядят вполне мирно — из оружия только топор, вилы и маленький лук, чтобы отгонять волков. Прикинув, что с ходу они в меня ничем острым швырять не станут, я перегородил дорогу и вежливо поприветствовал местных жителей.

— Здравствуй, христианин, — только слова, естественно, произнес на древнерусском.

Покосившись на незнакомца и явно прикидывая, не дать ли деру, крестьяне все же решили, что нарядный молодец, открыто шагающий по большаку, на разбойника не похож, и пригласили меня на свои розвальни. Усевшись на какие-то мешки, я оценивающе осмотрел своих попутчиков. Большие теплые тулупы, на ногах поршни или кожаные лапти, сплетенные из узеньких ремешков. Типичные деревенские жители того времени — не слишком зажиточные, но и не бедные.

Они в свою очередь тоже беззастенчиво меня рассматривали. Порывшись в котомке, самый старший из них, полностью седой крестьянин, достал темную горбушку. Слегка посыпав ее солью, он протянул мне незатейливое лакомство. Кушать сухой зачерствевший хлеб с добавкой мякины очень не хотелось. Но суть ритуала состояла в том, что, отведав добровольно предложенный хлеб с солью, я становлюсь гостем, благодарным своим хозяевам. Даже последний тать соблюдал местные обычаи, а я с виду был человеком порядочным. Поэтому пришлось с довольным видом угощение принять и запихать в рот. Довольно кивнув, старик счел процесс «накормил, напоил, в баньку сводил» законченным и приступил к вопросам.

— Издалека? — Словоблудием старец явно не страдает, сразу видно, что человек ценит время. Вот бы такого лаконичного к нам в Службу.

Лгать пожилому человеку, конечно, неудобно, но насколько издалека я прибыл, тут никому знать не полагалось, и потому пришлось беззастенчиво соврать. — Из Рославльского монастыря.

Если продолжают спрашивать, то у меня имеется наготове неплохая легенда. Однако, поняв, что гость имеет отношение к сильным мира сего, крестьяне расспросы прекратили, и только водитель саней, видимо, сын старика, с уважением покачал головой, проронив буквально одно слово:

— О, как.

С восхищением поглядев на мою уздечку и, видимо представив себе, какого роскошного коня я потерял, извозчик прикрикнул на свою лошаденку, заставив ее шагать вперед. После этого ехали молча, лишь изредка бросая скупые фразы, касаемые кочек и колдобоин, которые приходилось объезжать.

Дорога сначала шла вдоль Жиздры, хотя слово «вдоль» здесь не очень уместно. Весело вилившая река порой умудрялась на километровом участке выписывать пятикилометровые петли. Но вскоре ее фокусы заканчивались, потому что она впадала в Оку. Младшая сестра Волги текла неторопливо и подобных шалостей не допускала, огибая препятствия степенно и плавно. Здесь, в верховьях, ее путь лежал пока на север, и лишь километров через тридцать Ока сворачивала к востоку.

В месте слияния двух рек и находилась цель моего визита в прошлое — Городец. На узком мысу, зажатом справа Окой, а слева Жиздрой, высилась деревянная крепость, у подножия которой без всякого порядка были рассыпаны домишки. Этот миниатюрный городок появился совсем недавно, лет пятнадцать или двадцать назад, и история его возникновения была совершенно обычной для данной эпохи.

Некогда единое Черниговское княжество уже давно раздробилось на множество мелких уделов. Так вышло, что княжата размножаются намного быстрее обычных людей — что смердов, что вольных кметей. За полтора столетия потомки Олега Гориславича расплодились в огромном количестве, и каждому князю подавай его дольницу — большой кусок земли с городами и селами. А где их столько взять? Хотя городов в богатом и обширном княжестве до ордынского нашествия насчитывалось немало, свыше полусотни, но ведь их не делили поровну, и первейшим князьям полагалось иметь львиную долю. Требовалось срочно возводить и заселять новые городки, однако несознательные граждане предпочитали оставаться на старом месте, не горя желанием уходить в дальние земли. Поэтому Ростислав, младший сын какого-то третьесортного удельного князька, чье имя толком и не установлено, был рад и маленькой крепостице, к которой заодно прилагались все деревушки на десятки километров вокруг.

Кто был отцом Ростислава, пока точно не выяснено. Большинство историков считают его потомком вщижского князя Владимира Святославича, носившего почетный титул новгородского. Будучи не самым старшим из пяти сыновей Святослава Киевского, на солидный удел Владимир рассчитывать не мог. Подался он, было, править в своенравный Новгород, но демократы-новгородцы прокатали его на очередных выборах, и он осел в провинциальном Вщиже. На большее князь уже не замахивался, радуясь и тому, что есть. Однако для его пяти сыновей, сонма внуков и неизвестного количества правнуков, владений

уже катастрофически не хватало. От непомерного количества дармоедов княжество трещало по швам и княжат распахивали, куда только могли. Вот Ростиславу и досталась самая дальняя глушь, куда, кроме него, никто ехать не хотел.

Правда, оппоненты выдвигали версию, что отцом Ростислава являлся черниговский князь Рюрик, но они так и не пришли к согласию, который именно из Рюриков — Ольгович или Ростиславич, так что эта гипотеза сомнительна.

Как бы то ни было, но, энергично взявшись за дело, новоиспеченный владетельный князь значительно расширил крепость, с расчетом на будущий рост народонаселения. Вместительный терем, двухэтажные клетки, обширные погреба и закрома позволяли вместить жителей окрестных весей вместе с припасами и даже частью скота, и при этом еще оставалось место для сотни боевых коней. Оставалось только найти столько переселенцев, желающих обрести здесь новую родину.

Впрочем, князю повезло, и люди действительно к нему потянулись. Не за какие-то особые качества Ростислава, а просто так получилось, что несчастье одних часто оборачивается удачей для других. Дело в том, что прежде великий и могущественный Киев, краса русской земли, давно уже начал терять свое значение. То, что князья чуть ли не ежегодно отбирали друг у друга стольный град, это еще полбеды, хотя военные действия не давали людям нормально работать. Но когда в двенадцатом веке коалиция из одиннадцати князей разорила Мать городов русских, ограбив церкви, поубивав и уведя в полон множество христиан, то это был первый звоночек, что Киев больше не является безопасным местом. Первый, но не последний. Прошло ровно тридцать лет и три года после разорения, киевляне уже забыли прежние недоразумения и без задней мысли выгнали из города очередного князя, как это часто делалось в те времена. Однако князем этим оказался Рюрик Ростиславич, уже участвовавший в том «славном» походе, и помнивший, сколько богатств таит в себе столица. Он быстренько сбегал за помощью к соседям в Чернигов и, заручившись помощью Василия Чермного, старательно вычистил Киев от золота, серебра, а самое главное, от людских ресурсов. Лишь иностранным купцам было позволено сохранить жизнь и свободу в обмен на материальные ценности.

В дальнейшем походы на город стали обыденным явлением. То Рюрик опять приходит, то рассорившийся со своим союзником Чермный, наделавший, по словам летописца, «много зла русской земле». Неудивительно, что уцелевшие жители Киева и его окрестностей начали потихоньку разбредаться во все стороны в поисках более спокойного места. Некоторые добрались и до Оки, где нашли много земли, теплый прием и относительно спокойную жизнь.

С названием юного города голову не ломали, назвав его просто «Городец». Таких в каждом княжестве насчитывается по несколько штук. Например, ближайший из тезок — Городец на Жиздре, основали еще в четвертом веке, то есть он был древнее Киева. Правда, название у него не раз менялось, и как его именовали в древности, неизвестно.

Крепостица, доставшаяся молодому Ростиславу, ставилась для обороны от соседнего княжества, и потому ее основали на левом пологом берегу Оки, в том месте, где, встретив Жиздру, река образовала маленький полуостров, вытянутый на север. На его дальней оконечности возвышался небольшой насыпной холм, окруженный шестиметровым валом. Сверху по валу проходила стена — не просто ряд бревен, а современный сруб, засыпанный землей и камнями, поверх которого клался настил. Вместо примитивного зубастого частокола, за который так легко зацепиться арканом, стену венчала двухскатная крыша, закрывавшая галерею и от непогоды и от метательных снарядов, а для стрелков были

проделаны окошки. Присутствовало в крепости и еще одно новшество — согласно новейшим разработкам фортификации по углам возвышались стрельницы, служившие одновременно и наблюдательными вышками, и оборонительными башнями. Внизу, у самого рва, из земли торчали надолбы, призванные испортить жизнь нападающим, а перед ними был щедро рассыпан чеснок^[1], правда, деревянный, так как железо слишком дорого. Еще один вал, вдвое ниже основного, перегораживал южную часть полуострова, образуя предполье обороны.

Селище у подножия крепости пока не успело вырасти, и в нем насчитывалось едва полсотни домишек. Правда, кроме жилых изб, еще имелось немало складов, амбаров, конюшен, хлебов, и прочих строений. Если со временем посад разрастется, то его тоже обнесут отыненным валом, и получившийся окольный город станет внешней оборонительной линией.

Глядишь, со временем Городец пополнится людьми, население весей тоже вырастет, князь разбогатеет, начнет чеканить свою монету, соберет немалую дружину. Так думал Ростислав, надеясь на лучшее и не зная, что нашествие монголов не только докатится до его города, но и обратит в прах все его начинания. Причем в «прах», увы, в самом буквальном смысле слова.

Пока же, хотя и в ожидании войны, жизнь у крепости была ключом. На льду раскинулся и гудел довольно многочисленный торг. Вскоре снег начнет таять, реки вскроются, и связь между поселениями прервется. Никуда нельзя будет добраться ни по воде, ни посуху. Поэтому, пока еще имеется возможность торговать, идут последние ярмарки. Одни селяне сохранили лишние мешки с зерном, а у других, наоборот, не хватает даже для посева. Купцы скупают у звероловов пушнину и мороженые туши лосей. Кто-то из-за нехватки сена спешит забить лишнюю скотину, пока работает природный холодильник. Почти у всех за зиму жены и дочери успели наткать немало льняного или шерстяного полотна, излишки которого можно продать купцам с немалым прибытком.

Подвезшие меня крестьяне отправились на торг закупать зерно для посевной, а мне предстояло проникнуть в крепость, так что мы распрощались.

Проход через внешний вал не охранялся, благо что дворик за ним пока свободен от строений, и ничего ценного тут не хранилось. Сейчас тут стояло несколько запряженных саней, и среди них выделялся красивый крытый возок с вышитыми православными крестами. Похоже, информаторы не подвели, и объект находится в городе. Это радует, но вот пропустят ли меня внутрь? В единственных воротах города, как и следовало ожидать, стоял стражник. Молодой, вернее, просто юный, с еле наметившейся рыжей бородкой. Кого же еще поставят на столь нудную работу, как не салагу? Впрочем, паренек был чрезвычайно горд порученной ему миссией охраны князя. В короткой кольчуге, в блестящем шлеме, кожаных наручах, с копьем в руках и топором на поясе, он, должно быть, полагал себя великим воином. Его куда более опытный и хорошо вооруженный напарник — чернобородый ветеран, с покрытым шрамами лицом, — мирно сидел на бревнышке и, казалось, дремал. Однако при моем приближении глаза у бородача чуть приоткрылись, и стало ясно, что он не спит.

Заглянув в открытые ворота, я попробовал найти нужную мне персону. Народа было много. Все суетились, бегая туда-сюда с кулями и тюками, таская бревна, которые здесь же строгают двуручными скобелями плотники, или нося воду, зачерпнутую в глубоком колодце. Однако ни одного монаха во дворе не наблюдалось, и пришлось обратиться за информацией к стражнику.

Пожелав пареньку всяких благ со здоровьем, я вежливо поинтересовался:

— В городе ли игумен Афанасий из Зубцовского монастыря?

Никакой тайны визит служителя церкви, естественно, не представлял, и паренек тут же выложил все сведенья. — Священноинок у князя. Вовремя ты успел, вон ему уже лошадей закладывают. Подожди у терема, он скоро выйдет. А если срочно, то можно и позвать. — Ну вот, а если бы перед ним был оборванец, а не прилично одетый кметь, то он бы и разговаривать не стал. Вот что значит, «по одежке встречают».

Переставший притворяться спящим чернобородый разрешающе кивнул своему напарнику, и юнец посторонился, пропуская меня. Впрочем, я не торопился беспокоить князя. Без документов, подтверждающих личность и полномочия, дергать власть имущих не стоило, все равно игумен скоро сам подойдет.

— Не к спеху, когда закончит сборы, тогда и поговорю с ним. Пойду пока на торг поглазею.

— Мы скажем, что его искали, — предложил отзывчивый паренек. — Звать-то тебя как?

— Гавриил... — Спасатели обычно оставляют родные имена, но «Владипут» в это время звучит несколько необычно. В моем времени, впрочем, тоже.

Многоопытный ветеран поинтересовался у меня более практичным вопросом.

— Лошадь далеко пала?

Вопрос отнюдь не праздный. Если я успел заколоть конягу прежде, чем он издох, то мясо пригодно в пищу. Не деликатес, но в пост даже княжьих воинов едой особо не балуют, так что дружинники и коня слопают за милую душу. Тайком, конечно. Да и шкура в любом случае лишней не будет. Но пришлось огорчить запасливого кметя.

— Далече пала, два дня добирался.

Чтобы избежать новых каверзных вопросов, я поспешно ретировался, отправившись, как и обещал, на торг. Посмотреть тут было на что, ярмарка сегодня удалась на славу. По последнему насту и еще крепкому речному льду сюда съехался народ с дальних окраин Черниговского княжества. Некоторые добирались за полсотни верст, если считать по прямой, а в объезд это два дня ходу как минимум. Везли все, что было нажито и добыто за зиму, спеша продать излишки натурального хозяйства до начала распутицы. Давешние попутчики, потрясая тощим кошельком, усиленно торговались за мешки с рожью. Продавец серебро брать отказывался, предчувствуя грядущие бедствия и влекомое ими повышение цен. Пришлось седобородому крестьянину отдать по бартеру беличьей шкурки, коробья солода да еще добавить ценного конопляного полотна.

Прочие участники стихийного рынка также расплачивались в основном вещами, умудряясь мгновенно просчитывать в уме их сравнительную стоимость. Я бы даже с компьютером сразу не сосчитал, можно ли, к примеру, отдать половину коровьей туши и меру овса за две бочки рыбы и полпуда пряжи, если учесть прогнозируемые виды на урожай и вероятность военных действий.

Рынок привольно раскинулся на льду, охватывая город полукольцом, и, шествуя между разложенными товарами, я обошел вокруг Городца. По пути заодно рассматривал укрепления, казавшиеся мощными, но на самом деле не способные выдержать серьезного штурма. Как известно по результатам раскопок, древние строители схалтурили, применив для постройки стен не только качественный дуб, но и обычную сосну. Ох, сэкономил удельный князь, строивший сей оборонительный узел. Однако понять его можно. Хотя дубы в

этой местности встречались часто, но все пригодные для стройки деревья, росшие в округе, почти полностью извели на Козельский замок. Этот город, считавшийся по своему значению вторым в княжестве, обладал огромной по местным меркам крепостью. Дело в том, что княжество Черниговское тянулось от Днепра до Дона, а на севере даже доходило до границ современной Московской области. Но столица и большая часть населения находились на юго-западе, а восточная часть, покрытая лесами, была заселена слабо и городов не имела вовсе, если не считать укрепленные селища. Для контроля над столь обширной территорией и был основан Козельск, ставший своеобразной второй столицей Черниговщины. Княжить в нем обычно сажали старшего сына черниговского правителя. До постройки Городца Козельск оставался самым дальним городом княжества и являлся ключевым центром оборонительной системы этого края. Хотя население города было небольшим, но его детинец, достигавший почти километра в длину, не уступал по размеру черниговскому. Учитывая, что стоял он на высоком холме, прикрытом с трех сторон рекой, а с четвертой — каналом, крепость можно было бы назвать неприступной, будь она каменной.

Естественно, на строительство и периодическую модернизацию таких огромных стен требовалось очень много бревен, а годилось для этого далеко не всякое дерево. Требовалось прямое, высокое и достаточно толстое. А дуб — это не пирамидальный тополь. Пока он бревном станет, у людей пройдет несколько поколений. Вот и оказался Ростислав перед дилеммой. Доставлять подходящие бревна по воде с низовых земель слишком дорого, княжеская зарплата подобной роскоши не позволяет. Волочь полутонное бревно посуху за десяток верст через густые заросли — никаких лошадиных сил не хватит. Конечно, крестьяне могут дотащить что угодно и куда угодно, но кто же тогда вместо них будет землю пахать? Князь все-таки не фараон. Он должен помнить, что смерды с гриднями помимо строительной несут еще и кучу других обязанностей.

Поэтому, утешив себя тем соображением, что пропитанная смолой древесина хвойных пород меньше подвержена гниению, князь довольствовался эрзацем в виде сосен. Другого выхода все равно не было.

Правда, километрах в пяти отсюда дубовая роща еще осталась, но ее местные жители берегли. Хотя открыто об этом не говорилось, но там, под зелеными великанами, до сих пор приносились жертвы древним богам. Хотя прошло уже больше века с тех пор, как в здешних краях убивали миссионеров^[2], но язычество лишь затаилось. Даже в «Слове о полку Игореве», не стесняясь, называли руссов Стрибожьими внуками. На местных горшках, украшениях и прочих изделиях, по-прежнему изображались древние обряды, тайком празднуемые не только в тринадцатом, но и в четырнадцатом веке, хотя смысл их потихоньку забывался. Конечно, по закону за моление в роще полагалось наказание, но это в стольном граде. А здесь, среди диких лесов и свободных людей, посадники с князьями старались не придирается по мелочам к своим подданным. Впрочем, что говорить о простолюдинах, если, к примеру, сами великие князья до сих пор пользовались не своими христианскими именами, а языческими. Например, нынешний великий князь Ярослав Всеволодович — сын Всеволода Большое Гнездо и отец Невского. Кто, кроме историков, знает, какое имя он и его отец получили в крещении? Лишь после татарского нашествия, когда понадобилось сплотить общество, с пережитками язычества стали бороться всерьез.

К тому же в глухом заживдренском бору, который и поныне, в двадцать первом веке, тянется на десятки километров, еще имеется пещера со светящимся мхом, в которую раньше ходили на поклонение восторженные язычники, а теперь заглядывают любопытные туристы.

Такой лес священен вдвойне. Здесь правят волхвы, и нужно иметь очень вескую причину, чтобы идти с ними на конфликт. Так что, пока население исправно платит налоги, дубопоклонников никто не трогает.

Вот так и получилось, что неблагоприятное стечение обстоятельств лишило Ростислава качественных стройматериалов, хотя, казалось бы, источников сырья вокруг имелось достаточно.

Рассуждая на тему выбора бревен для крепостицы, я пожалел, что не обучен различать породы древесины. Нет, конечно, когда дерево стоит с листьями и иголками, я не только дуб с сосной, но даже и вяз с осинкой смогу отличить. А вот когда они уже ошкуренные, то для меня все одно.

Видать, проблема качественного строительства укреплений волновала не только меня, потому что кто-то за моей спиной выдал экспертное заключение.

— На углу бревна уже старые, подгнили совсем. А в этой стене вообще сосновые положили.

Эх, хорошо местным жителям, они с измальства в древесине разбираются, подумал я с завистью, но тут меня что-то толкнуло. А говорит-то эксперт не по-русски, а на заднепровском диалекте половецкого языка. Обернувшись, я, как и ожидал, увидел роскошные скуластые лица. Половцы, они же куманы и кипчаки. И какой горе-ученый придумал, что слово «половцы» означает рыжий, если по изученным погребениям достоверно известно, что куманы относятся к азиатскому антропологическому типу.

Окинув взором знатоков растительного мира, я убедился, что догадка оказалась верной. Так и есть, половецкие купцы. Наметанным глазом я мгновенно подсчитал количество гостей и их транспортных средств: три человека, двое саней, несколько лошадей. Естественно, все люди вооружены, чай, не на прогулку по бульвару вышли.

Ну что же, замечательно, что встретил иностранных торговцев. Поспрашиваю путешественников, небось, какие новости узнаю. Неспешно, прогулочным шагом я подошел к ним и оценил ассортимент товаров. Помимо стандартного набора мехов, разложенных на саях, еще предлагалось несколько новгородских поделок — сапоги, украшения, отполированные до блеска мечи и даже узкий кинжал, похожий на мой. Не иначе, с севера приехали, спасаясь от нашествия. Сейчас Батый как раз к Новгороду прет.

— Что-то маловато у вас товаров, — искусно завел я разговор издалека, намереваясь повыспрашивать о происходящем в мире.

— Распродали все, — объяснил купец. Говор у него чистый, наверно, не первую зиму он ездит на Русь.

— А где торговали?

— В Новом Торге. Там и новгородских купцов много, и прочих гостей. У них византийские товары ценятся, так что мы всё сбыли с выгодой, и новгородские взяли. А на исходе зимы, пока снег лежит, домой отправились.

— Долго ехали?

— Три седмицы добирались. А новгородские товары по пути почти все распродали. Вот, только остатки довели.

— Три недели, говорите?

Купец, до того разговаривавший спокойно, чего-то разволновался и весь напрягся. Ноги прямые, взгляд исподлобья, кулаки сжаты, как будто собирается с кем-то драться. Неужели я

чем-то его оскорбил, или он сборщика налогов увидел? Все это я отметил машинально, пока прикидывал возможный маршрут половцев и пытаюсь определить, где он мог проезжать.

— Странно, Торжок сожгли на святого Конона^[3], а до того две недели штурмовали. Это получается, получается... — Задумавшись о датах и запутанной системе средневековых календарей, я машинально отпрянул назад, потому что перед глазами промелькнуло что-то блестящее. На мгновение я увидел свои изумленные глаза, отраженные в клинке, и уже потом понял, что это было. Меч. Не сабля, а прямой харалужный меч новгородской работы с заостренным острием. Таким можно проткнуть мой доспех вместе со стеганкой, которой, впрочем, у меня и нет. Но какой, однако, шустрый кипчак. Ведь только что меч лежал на импровизированной витрине, а теперь им усердно тыкают мне прямо в лицо. Ведь так и поранить можно.

Второй половец вместо того, чтобы утихомирить товарища, достал саблю. И тоже мгновенно — только что стоял с равнодушным видом, оружие дремлет за спиной в ножнах, а через миг уже крутит финты перед моим лицом. Спасли только доведенные до автоматизма рефлексy и то, что противники стояли в закутке между санями, мешая друг другу.

Третий, у которого, кроме ножа на поясе ничего не было, попробовал проскочить мимо меня, но не учел навыков, вбитых в спасателя настойчивыми тренерами. Даже не глядя в его сторону, я машинально сделал подсечку, правда, не совсем удачно. Степняк успешно перескочил через мою ногу, однако тут же споткнулся об оглоблю, так и не дотянувшись до телеги, где лежал сагайдак. Подняться он не успел. Отпрянув назад, я пнул пяткой по голове незадачливого прыгуна и с чистой совестью сосредоточился на схватке.

Жаль, что бронированные перчатки остались лежать невостребованными в котомке, с ними было бы гораздо проще парировать удары. Или можно, к примеру, перехватить лезвие своего меча и, отбив вражескую саблю, ударить рукоятью в лицо. Вот ведь коварные враги, не дали мне времени подготовиться. В честном поединке, надев заблаговременно все свои доспехи, я мог бы спокойно справиться с куманами. Но, увы, ни перчаток, ни наручей мне не достать. Шлем надевать тоже некогда, и даже щит остался висеть за спиной. Перекинуть его вперед — секундное дело при наличии навыка. Навык у меня имелся, а вот секунды не было, потому что противостояли мне настоящие мастера. Я бы оценил мечника на второй разряд, да и саблист от него почти не отставал. Вот только школа у них была несколько странная. Почти никаких уходов, приседаний, отскакиваний. Видно, что степняки привыкли к конному бою. Что еще хуже, ни малейших признаков согласованности между напарниками не наблюдалось. Они махали своими железками, глядя только на меня, то и дело толкаясь локтями. По доспехам у нас наблюдался явный паритет. Под одеждой куманов позвякивали кольчуги, но головы, предплечья и кисти рук железом прикрыты не были.

Биться без щита сразу с двумя сильными противниками очень трудно, но я все-таки с пяти лет занимаюсь фехтованием, да и асинхронность действий нападающих не позволяла им реализовать преимущество.

Наконец, один из купцов догадался перебросить саблю в левую руку, и дело у половцев пошло на лад. Еще немного, и они сумели бы прорваться мимо меня и, вскочив на коней, сбежать прочь из города. Только сейчас я сообразил, что не позвал на помощь, а степняки бились молча, не привлекая к себе внимания. Однако добрые люди, ставшие свидетелями стычки, вовремя позвали стражей порядка. От ворот уже бежали давешние дружинники, оглушительно крича на ходу грозный боевой клич: «Уроем!» Каких только версий не было о заимствовании слова «ура». Но если оно использовалось и англичанами, и немцами, и

монголами, то как же мы могли заимствовать его одновременно у всех?

Воодушевленный подходящим подкреплением и пользуясь тем, что шпионы бросали тревожные взгляды мне за спину, я решил провести атаку. Отскочив вправо, быстро отвел кинжалом саблю и почти без размаху ударил сбоку, целясь по горлу. Лжекупец все же успел среагировать и пригнулся, так что кончик меча попал в голову, прямо по меховой опушке кожаной шапки. Однако головной убор не смог спасти своего владельца, и, выронив оружие, он без звука повалился на снег.

Теперь уже можно потягаться один на один с мечником. Скрестив клинки, ощутило прогнувшиеся, я секунду удерживал его меч и за это время изловчился пырнуть противника ножом в живот. Толстая дубленка и кольчуга спасли рыцаря плаща и кинжала от смерти, но эффект был такой же, как если ткнуть палкой в солнечное сплетение. В общем, когда стражники подбежали, причем грузный бородач с тяжелым щитом умудрился не отстать от мальчишки, трое купцов дружно лежали на земле в разнообразнейших позах и тихо постанывали.

Только сейчас я почувствовал страх, и это хорошо. Совсем не бояться — значит, быть глупым, а бояться во время схватки очень опасно. Впрочем, теперь мне следует опасаться не острой сабли, а руки закона. Возможно, в другое время и при других обстоятельствах меня затащали бы по судам, но тут, к счастью, все ясно как день — благородный витязь подвергся нападению злобных шпионов и дал им достойный отпор.

Перехватывая инициативу, я сразу отдал «ценные» указания с таким видом, будто имею на это право.

— Вяжите лазутчиков и тащите к князю. Только держите порознь, чтобы не договорились, о чем врать.

Дружинники, не опуская копий, начали поднимать половцев, причем отнюдь не ласковыми уговорами. Двое сразу же послушались и встали на ноги. Хотя они сильно страдали от ушибов, но получать удары древком и покальвания по мягким местам, усугубляя страдания, им не хотелось. Третий же, мастер сабельного боя, остался лежать ничком там, где принял свой последний бой.

— Преставился, — радостно сообщил рыжий дружинник, явно воспитанный не на принципах человеколюбия и гуманности и потому не испытывавший к шпиону ни малейшего сочувствия.

У погибшего, пропустившего удар в голову, крови почти не было, лишь небольшое пятно на виске. Не повезло ему, подставил под удар самую уязвимую часть головы. Височная кость тонкая, как картон. Небольшого тычка достаточно, чтобы ее проломить. Ну и ладно, у нас еще два языка есть.

Сопровождая стражников, волокущих пленников, я едва не пел от восторга. Да и запел бы вслух, вот только на Высоцкого в тринадцатом веке могут среагировать не совсем адекватно. Отбрехивайся потом, что это за «Яков истребитель» и где находится обитель со странным названием «Небо». Да ничего, и без песен обойдусь. Главное, у меня есть повод наведаться к местному властителю и втереться к нему в доверие. А там с его помощью и игумена обадить будет намного легче. Вот и замечательно, кто ищет, тот всегда найдет.

Осматривать внутренний двор крепости времени не было, и, оставив экскурсию на потом, я лишь бросил взгляд в сторону церквушки, маленькой, но добротной построенной, с обитой свинцом крышей. Но из нее никто не выходил, и я поспешил в княжеский терем.

До секретарей в приемной еще не додумались, и князь, заинтригованный необычной

процессией, принял нас сразу. Хотя у него шло какое-то совещание с ближайшими помощниками, но все сразу стихли. Ростислав ждал, пока ему объяснят случившееся, а подручные, соблюдая субординацию, не проронили ни слова.

— Лазутчиков схватили, — доложил бородатый витязь, держа кумана так крепко, что тот не мог трепыхнуться. — Вот этот боярин Гавриил словил, — честно добавил страж ворот, кивнув в мою сторону. Правильно, скромность украшает, а его светлость князь Ростислав мог процесс задержания шпионов в окошко лицезреть. А что я уже боярин, это хорошо, больше доверия будет.

Недоуменный взгляд князя, как бы вопрошавшего, чего степнякам понадобилось здесь вынюхивать, остановился на мне. Сдернув подшлемник и торопливо поклонившись, я пояснил:

— Половцы это, на службе татар. А что одного до смерти забил, так прости, государь, силы не рассчитал. Я же его по шапке легонько ударил, а он возьми и окочурься.

Князя летальный исход стычки с заграничным гостем ничуть не огорчил и избитый вид выживших куманов сострадания не вызвал. Вместо выражения соболезнования он кивнул своей челяди в сторону печки, причем вовсе не намекая, что гостей пора кормить обедом. Гридни поняли верно и побежали нагревать разные инструменты, от шила до огромных щипцов. А вот это зря. Под пыткой человек может рассказать все что угодно, а нам надо узнать не все, а лишь то, что было на самом деле. Придется устроить местным следакам мастер-класс допроса.

Между тем благодарный правитель уже достал маленький шестигранный брусок черниговской гривны и с важным видом протянул мне. В серебре я не нуждался, и так пара кило драгметалла в котомке лежит, и все это добро перед уходом придется выбросить. Стоимость перемещения груза во времени такая, что даже золото возить в будущее нерентабельно. Но князюшко этого знать не мог, так что, поклонившись до земли, я принял награду с таким видом, как будто президент вручил мне звезду героя. Да-да, именно по этой причине, если спасателям приходится вручать ордена, прямой трансляции из президентского дворца никогда не бывает. Только в записи, и зачастую после десятого дубля. Иначе церемония буханья на колени и обнимания президентских туфель произведет немыслимый фурор в мире. Никто же не знает, чем мы занимаемся на самом деле и откуда такие странные манеры.

— Война на носу, — скуповато вздохнул кто-то за спиной князя, — надобно сберечь добро, а не раздавать всем встречным.

— Дондеже тебе повторять? — огрызнулся Ростислав на подчиненного. — Сказано же в напутствии: «Всего же более чтите гостя, и знаменитого, и простого». Еще тиун будет со своим князем спорить.

Пользуясь моментом, я тут же без спроса влез с предложением:

— Дозволь, княже, расспросить чужеземцев. Только их поврозь надо допрашивать.

Слава Времени, допрос производился без излишних формальностей. Никаких адвокатов, протоколов, зачитывания прав, вежливого обращения. Только упрощенная процедура, экономящая время. Подозреваемого поставили на колени, а я присел перед ним на лавку, задумчиво вперив взгляд прямо в очи. Наконец-то мне представился случай применить на практике все тонкости сыскного дела, так долго изучаемые на спецкурсах.

Помня, что нельзя давать допрашиваемому времени опомниться, я сразу же огорошил его своим всезнайством.

— Тебя прислал Кадан или сам Субетай. Мы знаем, что монги, они же таурмени, взяли Новый Торг, но после понесенных потерь испугались идти к Новгороду и теперь возвращаются в степи. Двигутся татары не кучно, а идут, рассыпавшись облавой, добывая зерно для лошадей. Место соединения отрядов с основным войском хан Бату назначил у Козельска. — Формально Батый, конечно, еще не хан, но его все чаще именовали именно так. — Значит, некоторые отряды пройдут по Оке и выйдут к Городцу. Вас загодя послали вперед разведать укрепления. Верно излагаю?

Половец моей тирадой заинтересовался, но комментировать вышеизложенные догадки не торопился. Что же он, дурак, что ли, сразу всю подноготную выкладывать, когда пытки еще даже не начались? Ростислав тоже был весьма заинтригован, но не перебивал, позволяя довести дело до конца.

С нарочито равнодушным видом, как будто мне не впервой пытаться и мучить разумное существо, я достал кинжал и поднес к лицу обвиняемого. Обычно подобный подход быстро смягчает непреклонную позицию подсудимого.

— Время нам дорого, так что калить щипцы не будем. Просто выбери, что тебе сначала сделать — глаз выколоть или вот это, пониже пояса, отрезать.

Князь, то ли проникнутый христианскими добродетелями, то ли решив подыграть в древнюю игру про злого и доброго следователя, неодобрительно покачал головой.

— Не по-людски это, боярин. Руки можно калечить, из туловища куски выдирать, но не очи выкалывать и, тем более, не соромно пытаться.

Из деликатности я не стал напоминать, сколько князей, захваченных в плен во время усобиц, было лишено драгоценного зрения своими венценосными родственниками.

Впрочем, в данном случае до очеывкалывания дело вряд ли дойдет. По уверениям психологов, подобные угрозы, произнесенные в соответствующей обстановке и в отсутствии правозащитников, не могли не подействовать. Ну, а даже если не подействуют... Зная, что все обитатели города вскоре погибнут, ни малейшей жалости к наушникам у меня в душе не шевельнулось. Коллеги по следствию о своей будущей ужасной судьбе еще точно не знали, но участь захваченных монголами городов секрета не представляла. Так что на всех без исключения лицах читалось явное одобрение незаконных методов допроса. Ну, разве что чело князя омрачало маленькое сомнение, но я поспешил его успокоить.

— Весь грех на себя беру.

Аргумент подействовал, но, подумав, Ростислав выдвинул новый довод.

— Так, если ему, к примеру, глаз выбить, то он не сразу говорить сможет от боли.

— Ничего, княже, у нас их двое. Пока первый оклемается, побеседуем со вторым. Глядишь, тот все и выложит, глядячи на этого калеку.

Перепалка подействовала на шпиона отрезвляюще, и потенциальный инвалид робко поинтересовался, что ему перепадет в случае добросовестного сотрудничества. Хотя с перепугу куман заговорил на родном языке, но князь и часть присутствующих поняли его прекрасно.

— Пытать тебя не будут, собака, — зарычал высокий богатырь, по всей видимости, командир охраны, — и вместо петли умрешь от железа.

— Погоди, Микула, — остановил князь ретивого боярина. — Слово даю, отпущу живым. — Подумав еще немного, Ростислав великодушно добавил: — И некалечным.

Слово, да еще княжье, в этом мире стоило многого. И пусть князя не раз нарушали клятвы, даже данные на святых реликвиях, но делали это исключительно ради высокой цели.

Земли, к примеру, оттяпать у соседей, городишко какой к рукам прибрать. Это все понятно, хотя и непростительно. Но вот губить свою душу из-за какого-то иностранца православный правитель не станет. Поэтому куман сразу проникся доверием к благородному слову и, бухнувшись на колени, затараторил без передышки:

— От Неренска вверх по Оке Бяслаг идет с двумя сотнями. Налегке.

Князь довольно улыбнулся, сочтя опасность невеликой, но шпион продолжал:

— А за ним Очирбат ведет полтысячи и обоз. И еще с ним пороки.

Пороки, то есть зловредные осадные орудия, а точнее, только основные детали и механизмы от них, это серьезно. Монголы походя штурмовали сильные крепости, а большие города брали за несколько дней. В лучшем случае нападающие потратят один день на сооружение осадных приспособлений, а потом захватят Городец за считанные часы.

У всех на языке вертелся один вопрос, и мы вместе с князем и нетерпеливым Микулой спросили одновременно: — Когда?

— Дорога разведана, да и проводников набрали, кони накормлены, так что послезавтра будут здесь. Нам поручили узнать, сколько воинов в крепости и где стены подгнили. — Упоминание о стенах затронуло больную мозоль князя, отчего он недовольно скривился. Отправив в поруб первого разведчика, быстро допросили второго, предупредив, что его товарищ раскололся и предложив добровольное сотрудничество. Проявив мудрость, куман выложил всю правду, повторив ранее сказанное, и лишь уточнив, что подразделение Очирбата формально называется тысячей, но оно уже ополовинено в боях.

Объяснив горе-шпионам, что Бяслаг неласково встретит разведчиков, вернувшихся «похлопывая себя руками по карманам», Ростислав отправил куманов в подвал переждать нашествие, для их же блага, конечно.

Впечатленный моими премудростями, князь решил посоветоваться со мной, надеясь, что свежий взгляд со стороны хоть как-то поможет в решении проблемы.

— Гавша, как мыслишь, кремник на холме, может, устоит?

Врать мне было незачем, и я начал резать правду-матку.

— Нет, княже, татары и каменные города брали. Сам знаешь, что они в низовских землях и залесской окраине все пожгли. Городец за день возьмут.

Венценосный собеседник все это сам понимал, и, понурившись, процитировал древнего автора:

— Невеселое время настало, уже степь силу русскую одолела.

Отважный Микула, не желавший заранее мириться с поражением, был более оптимистичен.

— Может, татары просто в осаду станут? — предположил он. — Припасов, снеди разной, у нас до осени хватит, если пиры не устраивать.

И хотя в глазах князя теплилась крошечная искорка надежды, я с ходу отмел данное предположение:

— До осени они ждать не станут. Если Очирбат сотоварищи не возьмут город с ходу, то подождут подкрепление, а оно рано или поздно придет. Впрочем, это не понадобится. Стены у тебя низкие, бревна так себе. Дубовые подгнили, а сосновые непрочные.

Не услышав ничего утешительного, Ростислав махнул рукой, отпуская меня восвояси. Плохо быть черным вестником, люди никакой благодарности не испытывают, слыша горькую правду. Ну и ладно, пойду к игуменскому возку, чтобы не упустить свой объект поиска. У

возов уже топталась небольшая стайка мирян. Они нерешительно переговаривались между собой, не зная, что делать.

— Не едем, что ли?

— Нет, распрягай.

— Погоди распрягать, вон игумен идет.

Ага, вот я и дождался зубцовского настоятеля, и идет он прямо ко мне. Высокий, седой, но, несмотря на возраст, прямой как тополь, старец в черном клобуке. Судя по твердому, оценивающему взгляду, это и есть искомый игумен. Фотографий его, конечно, не сохранилось, но вроде другого иерарха столь высокого сана в захолустном городке быть не должно. Все это пронеслось в голове, поспешно сдернув шапку, подмел ею снег.

— Благослови, отче.

Благословив меня, старец, к которому я так стремился через бездну веков, без лишних околотов приступил к делу. Говорил он кратко, без византийских витиеватостей:

— Откуда?

— Из Рославльского монастыря.

— Грамотку давай.

Пошарив за пазухой, я деланно округлил глаза, пошарил сильнее, залез в котомку и с виноватым видом развел руками.

— В переметной суме видать оставил, когда лошадь пала.

— Дурень, — расстроено вздохнул игумен.

Ну извиняйте, не смогли наши спецы письмо состряпать, несмотря на все свои цифровые и буквенные технологии. Да и как подделать почерк рославльского игумена, если у нас образцов нет? В этом-то и проблема. Да и вообще, по этому монастырю никаких сведений не сохранилось, кроме того, что монголы сожгли его во время нашествия, и возродится он только через сотни лет.

Но пока все шло по плану. В грех гнева игумен не впадал и посохом о землю не стучал. Видать, решил, что с неграмотного солдафона спрос невелик.

— Что Иннокентий писал-то? — ровным голосом, не проявляя недовольствия, спросил старец.

— Летопись просят.

— Вернем. — Всего лишь одно скупое брошенное слово, и мне пришлось затаить дыхание и сжать волю в кулак, чтобы не завопить от радости. Миссия выполнена, и древняя летопись спасена для человечества! — А что в обители происходит? — как бы невзначай, но с неприкрытым интересом поинтересовался Афанасий.

— Готовят монастырь к обороне. Запасы свозят, ратных людей созывают, стрелы делают, посад разбирают.

— Здоровье как у игумена? — плавно перевел разговор в нужное русло мой собеседник.

Понятия не имею как и вряд ли вообще узнаю, разве что прочитав летопись. Но легенду тщательно проработали, и к каверзным вопросам меня более-менее подготовили, так что ответил я без запинки.

— Сам его не видел, он ко мне не выходил. — Ну действительно, мало ли чем там человек занят. Ему же надо службы служить, наставления давать, хозяйство вести. Обороной руководить, опять-таки его забота, хотя образование и не профильное.

— Значит, так и недужит, — задумчиво протянул игумен. — А про то, кто следующим иерархом станет, не ведаешь?

Да он что, решил, что я доверенный боярин при монастыре? Или полагает, что монахи при посторонних могут языками трепать и свои секреты выбалтывать? Все это я вслух не говорил и лишь бодро отчеканил заранее заготовленную фразу: — При мне таких разговоров не велось, а сам я, понятно, не спрашивал. Да мне даже переночевать там не довелось. Привез грамоту с поминками от князя, — лишь бы игумен не спросил, от какого именно, — и монастырские попросили меня в Городец съездить. Спешил, коня вот загнал.

— Растяпа, — добродушно констатировал игумен. — Обрато так не спеши, а то не довезешь.

Да пусть хоть матом кроет, хотя Афанасий священнослужителем был праведным, и непотребных слов от него не услышишь. Конечно, следует сделать скидку на то, что категория бранных слов вообще и недопустимых в приличном обществе в частности за восемь столетий несколько изменилась. Но это неважно. Задача — заставить отнюдь не глупого и далеко не наивного человека, облеченного властью, отдать ценный документ первому встречному, выполнена успешно.

Тяжело вздохнув, Афанасий кивнул мне, чтобы я следовал за ним, и направился в княжьи хоромы.

Для чего Ростислав просил привезти ему летопись, можно только гадать, но явно не для написания научной работы. Очевидно, что он просто решил найти подтверждение своих прав на здешнюю землю.

Надо заметить, что самый дальний, северо-восточный угол Черниговского княжества заселен слабо. Городов за Козельском уже не было, зато эта огромная лесная территория граничила сразу с тремя соседними княжествами. Доселе на нее никто не претендовал, по причине немногочисленности потенциальных данников. Тут сбор налогов обойдется дороже собранного, вот сюда никто из власть имущих и не рвался. Но после появления новых сел никому прежде не нужная глухомань вдруг стала всем дорога, как родная. Поэтому князья озаботились проблемой точной демаркации границ, и в первую очередь это волновало смолян. Естественно, в те времена, как и сейчас, над всеми законами превалировало кулачное право. Законные притязания обязательно должны подкрепляться силой оружия, или они ничего не стоили. Но лет пять назад в Смоленщине уже отгремела война, перед этим прошел мор, литовцы опять зашевелились, да и нынешнее монгольское нашествие не располагало к бряцанью оружием. Вот и решили князья вместо отправки рати пошарить по архивам в поисках доказательств, а в качестве третьейского судьи пригласили всеми уважаемого зубцовского игумена. Летопись же попросили в Рославльской обители — новой, но старательно составлявшей списки всех событий, касавшихся черниговско-смоленских отношений. Рославльский монастырь обладал большим скрипторием, в котором доброписцы не только тщательно вели погодные записи, но и составили подробный свод, собирая сведения из разных источников. С этой книгой Афанасий сначала побывал в Козельске, а потом заглянул в Городец, дав княжьи «хытрецам», то есть грамотным людям, переписать нужные места, давая основания в тяжбе с соседями.

Теперь летопись уже была не нужна, и ее с готовностью вернули владельцам в моем лице. Завидев сокровище, я едва не грохнулся в обморок, и руки сами открыли доску, заменяющую обложку. Ого, да тут описаны события с начала одиннадцатого века. Быстро пробежав глазами страницу, я бережно, за уголки перевернул желтоватый кожаный лист, пахнувший запахом древних времен. Лишь на третьей странице вспомнил, что я всего лишь

курьер, коему надлежит доставить груз из пункта А в пункт Б, и, смущаясь, все так же бережно закрыл книгу. Однако игумен не осерчал и даже улыбнулся. Видать, здешние бояре, кроме деловой переписки, почти ничего и не читают. Небрежно смахнув со стола шахматы, он поудобнее положил фолиант и раскрыл его на том месте, где я остановился.

— Любишь книги?

— Так и есть, отче. Нет на свете дороже сокровищ, чем знания, а летопись повествует о том, что было, открывая нам старинные тайны.

Узрев во мне товарища по тяге к истории, игумен оттаял и заговорил доверительно, даже по-дружески.

— Знаешь, Гавриил, я тоже не мог оторваться от летописи, когда взял ее в руки. И вроде бы в разных сводах об одном и том же пишут, но все по-своему. Как искренне черниговские летописцы восхваляют Олега, которого у нас иначе, чем Гориславичем, и не зовут.

Это верно, для соседей основатель династии черниговских князей олицетворял само зло в чистом виде. Отчасти они правы. Князь, приводящий кочевников на свою родную землю, симпатий не заслуживает. Но, с другой стороны, Владимир Мономах поступал точно так же. Ему было бы неудобно рассказывать, как он сжег Минск руками половцев. Святополк же, другой соперник Олега, по свидетельству современников, был жаден, туп и спесив. Олега же народ любил, да и полководец он неплохой. К тому же Гориславич старался проводить политику мирного сосуществования с половцами, и его наследники традиционно поддерживали дружбу с кочевниками.

— Отче, а о приключениях Олега в Византии тебе, — как же неудобно старому человеку тыкать, но так здесь принято, — приходилось читать?

В красках и в лицах я изобразил, как в Константинополе непоседливый князь устроил среди славянских наемников грандиозную пьянку, после которой буйные русичи ворвались к императору, изрубив мебель. В самого же Никифора Третьего они, показывая свою удаль, метали стрелы, пришиливая красное императорское одеяние к стене. Басилевс шутку почему-то не оценил, и мастерство стрелков его в восторг не привело, так что Олег отправился продолжать бессрочную службу на Родос. Видимо, император здраво рассудил, что ежели неугомонный князь что-нибудь еще учинит, то разрушения ограничатся одним островом.

На Родосе Олег не скучал и быстро соблазнил дочку местного патриция, на которой, впрочем, пришлось жениться. Византийцы долго терпели Олеговы выходки, но новый император плюнул на все договоренности с киевским князем и сплавил пленника обратно в Тмутаракань. Правда, этот город уже заняли другие князьки, которые, собрав дружину, вознамерились выбросить бывшего градоначальника в море, откуда он приплыл. Однако не на того они напали. Горожане поддержали любимого правителя, а собравшись с силами, Олег вскоре смог осадить и Чернигов. Правивший там Мономах посидел недельку в осаде, пока его вдруг не осенило, что все конфликты следует решать мирным путем и что у Святославица действительно есть права на город. Озарение его, впрочем, продолжалось ровно до того момента, как он собрал войска, и после этого весь пацифизм знаменитого князя мгновенно улетучился.

Игумен с интересом слушал мои истории и также рассказал кое-что занимательное, почерпнутое из древних сводов. Мы еще долго обсуждали аспекты сравнительной историографии, пока монастырские служители почтительно, но прозрачно не напомнили о времени. Развернув миниатюрный складень, отец Афанасий начал готовиться к вечерней

молитве, а я отправился искать ночлег.

Пробравшись в молодечную, я нашел свободную лавку и, стянув наконец доспехи, завалился отдыхать, укрывшись плащом. Несмотря на поздний час, народ спать не спешил, и свет по местным меркам горел ярко, так что даже читать можно. Все были чем-то заняты. Кто гладил кафтан сковородкой, наполненной углями, кто чистил доспехи и ставил у печки сушиться. Насаживали наконечники копий, точили топоры, чинили оперения стрел. Оставшиеся не у дел обсуждали возможные последствия поимки лазутчиков или просто что-то жевали. Мне тоже сунули кусок хлеба с мясом и еще один ломоть с теплой кашей. Отдельных тарелок не было, но оно и к лучшему. При отсутствии моющих средств и большого количества горячей воды, чистота посуды была бы сомнительной. Прожевав бутерброды, я закрыл глаза и задремал, сжимая в руках котомку с книгой.

До самого утра кто-то постоянно ходил, звенел и вполголоса переругивался, не давая мне выспаться. Ну да ладно, завтра отправлюсь на прежнюю поляну в лесу, активирую передатчик, сяду на пенек и вернусь домой. В крайнем случае, если там появятся какие-нибудь люди, заберусь в дальнюю чащобу, где меня никто не увидит, и включу передатчик номер два. Уловив сигнал, ученые начнут забрасывать в прошлое большую антенну, чтобы запеленговать направление, и быстро определят мои координаты. Затраты при этом, конечно, возрастут, но результат того стоит. Спасенную летопись сфотографируют и, тщательно упаковав, спрячут в прошлом, чтобы снова откопать через восемь веков. Тогда ее можно будет официально представить научному миру. С такими приятными мыслями я наконец-то крепко уснул.

Проснулся я, едва рассвело, но, несмотря на ранний час, в помещении уже никого не было, кроме меня. Остывший за ночь терем не располагал к сладкой дреме, и пришлось вставать сразу, не давая себе понежиться в постели. Проверив, что сокровище по-прежнему лежит в котомке, я первым делом сходил в одно весьма неприятное место. Хорошо еще, что холод приглушает все неаппетитные запахи в ватерклозете.

Вернувшись, я сразу начал собираться. Хотя на столе стояли еще теплые горшки, ароматно пахнувшие пшенной кашей, но завтракать я не стал, чтобы сэкономить Службе на переброске, ведь каждый лишний килограмм обойдется в миллион евро, и поспешил натянуть доспех. Наручи на этот раз пристегнул сразу, а кольчужные рукавицы, на всякий случай, заткнул за ремень.

На улице, вернее, на площади, потому что улиц как таковых и не было, царил переполох. Несмотря на ранний час, все были страшно заняты, забыв о еде и отдыхе. К моему удивлению, почти все горожане были вооружены. Если вчера в кольчугах щеголяло только несколько стражников, то теперь практически все мужчины, имевшиеся в наличии, расхаживали в доспехах, а остальные были вооружены как минимум щитом с топором или луком.

Схимников нигде не было видно. Скорее всего, клирики выехали еще затемно, но они мне уже не очень-то и нужны.

Единственным стоящим без дела человеком оказался вчерашний рыжий парнишка, скучавший на крыльце, да и то, как выяснилось, он выполнял задание. Стоило мне выйти, как отрок тут же подскочил и поманил к лестнице, ведущей на стену, пояснив на ходу:

— Гавриил, тебя князь зовет.

Взобравшись на прясло^[4], обращенное на север, я огляделся в поисках князя. Стоявший на полати Ростислав, как и все его люди, был полностью снаряжен к бою, как будто прямо сейчас собирался идти на рать. Вчерашние советники сгрудились вокруг владыки, поглядывая через забороло на заречный лес и что-то бурно обсуждая, толкаясь при этом бронированными локтями, звякавшими при каждом ударе. Заметив меня, князь удивленно вскинул брови, но вспомнив, зачем звал, просветлел лицом.

— Гаврила, не пешим же тебе идти, возьми двух коней половецких, — великодушно предложил городецкий князь. — Верховых. Сам выбери самых борзых, — произнес он это таким тоном, как будто дарил мне как минимум «Арктик-нефть», причем за просто так. — Егорка покажет стойло, куда их отвели.

Изобразив бурную радость, я согнулся в глубоком поклоне, скрывая улыбку. Ну, княже, щедрость твоя безгранична. За то, что я один с целой шайкой шпионов справился, мне аж часть их имущества подарили, хотя по-хорошему могли бы и все отдать. Однако неоднократные тренировки в медитации помогли мне подавить смех, и я даже членораздельно высказал благодарность.

— Ступай, боярин, ступай, — нетерпеливо махнул рукой Ростислав и вернулся к прерванному совещанию.

Егорка не только отвел меня к конюшне, но и помог запрячь лошадей. Видимо, важных дел ему как отроку еще не доверяли, и он был рад занять себя хоть чем-нибудь. Возвращаясь

к вчерашним событиям, Егор не преминул похвалить меня:

— Это хорошо, что ты лазутчиков изловил, а то князь с семьей вчера уже уезжать собирался, вслед за игуменом.

— Да, и куда же они намеревались ехать? — машинально спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Да пока на реках лед стоит, княгиня с княжичем в Смоленск хотела съездить к сестре своей. А князь их до Серенска собирался проводить и там на ярмарке меха продать да оружием закупиться.

Нашли время по гостям ездить. Хотя, это как сказать. В преддверии нашествия отправить семью в дальние дебри, подальше от Степи, это очень даже здравая мысль. И ведь угадал Ростислав со Смоленском. Поредевшие монгольские тумены не стали переть на рожон к изготовившимся к обороне войскам, и Смоленск уцелел, в отличие от большинства других русских городов. Правда, из-за вчерашнего происшествия отъезд отложили, а теперь уже неизвестно, состоится ли путешествие вообще. Тут вдруг что-то шевельнулось у меня в голове, и, вспомнив, что должно произойти через пятнадцать лет, я подозрительно спросил:

— Это с каким княжичем княгиня в Смоленск собралась, уж не с Ярославом ли? Он что, остался в Городце?

— Ну да, Ярослав. Другого сына у князя нету. Как только половцев схватили, так Ростислав начал готовиться к обороне и поездку отложили.

— Не дело это, — недовольно пробурчал я, перестав затягивать подпругу, — не сегодня-завтра монголы придут. Здесь бой будет, и лучше Ярослава все-таки подальше отправить.

Однако Егорка весьма оптимистично оценивал боеспособность княжеской дружины и неприступность крепости.

— Раз эти мангалы скоро появятся, то пусть лучше княжич за стенами пересидит, — беспечно ответил он, полагая, что князь и так знает, что делает.

Как же, пересидит. Сожгут татары крепость вместе с жителями или в полон всех уведут. Так, а если Ярослав Ростиславич погибнет, то кто через пятнадцать лет приведет две сотни ратников на помощь Андрею Ярославичу против Неврюя? Силы, конечно, небольшие, но суть не в количестве. Увидев, что даже из верховского княжества прислали помощь, низовские князьки и бояре устыдятся и тоже выставят свои отряды. В итоге у мятежного князя наберется полторы тысячи дружинников и еще больше ополченцев. Немного, учитывая, что меньше тумена хан не пошлет, но при оборонительной тактике шанс имелся, пусть и чисто теоретический. А теперь выходит, что история может измениться, и непонятно в какую сторону. Возможно, что с малой дружиной Андрей передумает воевать, и Неврюева рать не придет на Русь. Но это вряд ли. Уже предвкушающей добычу орде требуется кого-нибудь пограбить, и разорение русских земель неизбежно. Ну а если отважный князь не передумает рататься с монголами, то ситуация может сильно ухудшиться. Без особых потерь разгромив небольшое войско повстанцев, Неврюй не ограничится захватом Переяславля и Суздаля, а уничтожит еще несколько городов. Как ни крути, но история поменяется, и это мне крайне не нравится. Надо что-то предпринять, и срочно.

Конечно, сперва следует позаботиться о летописи, но... к черту книгу, надо придумать, как увезти княжича. Вот только как? Убедить Ростислава невозможно, уж очень князю не нравится слушать критику в адрес его «неприступной» крепости, а киднеппингу нас, к сожалению, не учили. Отпустив так и не затянутый ремень, отчего седло шлепнулось прямо на ногу Егорке, стойчески выдержавшему это испытание, я судорожно начал придумывать

Егор уже закончил запрягать лошадей, но я стоял столбом и уезжать не собирался. Хитроумные планы, как выполнить задуманное, снизошли на меня в огромном количестве, так что я даже растерялся, какой из них выбрать. Можно просто выкрасть ребенка ночью, пока все спят, или же подкупить его дядьку десятком гривен. А еще лучше наплести местному священнику о пророческом сне, посетившем меня. Учитывая, что вечером со мной долго беседовал сам игумен, байка о чудесном сновидении выглядит вполне естественно. В крайнем случае, следует пригласить княжича на охоту... хотя нет, он еще маленький. Ну, тогда предложить преподавать пару уроков по военному делу где-нибудь за городом, ведь у меня репутация великого воина. А там уж с одним или двумя сопровождающими, не ожидающими нападения, я как-нибудь справлюсь. В общем, планов много, все они хорошо продуманные и, учитывая мои способности, легко реализуемые. Остается только выбрать.

— Дым! — Крик часового всполошил всех. Начали отворяться двери конюшен, и уже оседланных (когда только успели?) коней спешно выводили к воротам. Сноровисто, без суеты, вооруженные латники забирались в седла и по двое выезжали через ворота. Вот и замечательно, когда все уедут, будет легче осуществить коварные планы. Держа под уздцы свою лошадь, я осторожно, чтобы не мешать дружинникам, вышел из конюшни, внимательно осматриваясь по сторонам.

— Гавша! — повелительный оклик сзади заставил слегка вздрогнуть, но, проявив выдержку, обернулся я величаво.

— Гавша, погоди! — Голос вроде похож на княжий. И действительно, из мешанины людей и лошадей вынырнул Ростислав. За ним вышагивал очень старый, лет шестидесяти, не меньше, воин в посеребренном шлеме, тащивший за руку серьезного мальчонку младшешкольного возраста, наряженного как на праздник. Вслед им спешили, утирая слезы, несколько женщин, вероятно, пресловутые «мамки да няньки». Подняв мальчика и сунув мне в руки, пенсионер серьезно погрозил ему пальцем и на удивление расторопно побежал обратно, спеша присоединиться к формируемому отряду.

Сложив два и два, я быстро пришел к выводу, что держу в руках княжича, а воин преклонного возраста — это его дядька, то есть воспитатель, решивший присоединиться к воинской потехе. Все же хорошо, что я не успел к нему подкатить с предложением мзды. Судя по его суровому виду, он бы, не моргнув глазом, просто разрубил взяточдателя пополам.

Между тем Ростислав, поцеловав сына, сурово, но с явным оттенком просьбы в голосе обратился ко мне:

— Гаврила, спасай Ярика. Тебе все равно уезжать, а у меня бояре и так наперечет, и все до зарезу нужны. Увези в Серенск, там Тимофей Ратча с людьми, передашь им. Татарва, вишь, пришла, да еще раньше, чем ожидали. Давай, не жди.

Негоже спорить с князем, но придется. Да и чего мне бояться? Это его холопы не смеют господину перечить, а я человек вольный.

— Княже, сожгут Серенск. Нет нам туда хода.

Уже повернувшийся спиной князь резко обернулся и раздраженно ответил:

— Так пусть Рагча отвезет Ярослава во Вщиж.

— И Вщиж не устоит, он стоит как раз на пути Батыя.

— Ну а Ельня?

— Да сказано же тебе, — теперь уже я начал раздражаться, — татары пройдут по Десне, и после них только пепел останется.

Князь окончательно потерял терпение и тихо зашипел:

— Ну раз ты такой великий стратег, то сам и решай, где безопаснее, — примерно так я перевел с древнематерного на современный язык. Надо же, и это говорит знаток русской литературы, цитировавший наставления Мономаха и «Слово о полку Игореве». Ну где, скажите, где в старинных русских книгах можно встретить такое срамословие, от которых женщины даже пискнули и покраснели.

Впрочем, времени на рассуждения действительно нет. Главное, поскорее смотаться отсюда, а там видно будет. Вот только переться через леса без сопровождения страшновато. Одно дело, отъехать на несколько верст и исчезнуть, и совсем другое провезти через дебри ребенка в целостности и сохранности.

— Воинов не дашь, хотя бы младших? — спросил я с надеждой, хотя судя по тому, что даже людей преклонного возраста отправляют в бой, мобилизационный резерв полностью исчерпан.

— Мало их, — отрезал князь. — Полдружины в Чернигове, а остальные по всям разъехали уроки делать^[5] или в дозорах. Не успел я собрать всех, в городе и сотни воев не наберется. Ты, я видел, один целой ватажки стоишь, да еще игумен расхвалил, как ты в воинском деле разбираешься, все древние битвы наперечет знаешь. Хотя... возьми вон Егорку, от него здесь все равно толку нет, а так отрок хотя бы дорожку тебе покажет.

Рыжий парнишка, услышав свое имя, стрелой метнулся в молодечную, на бегу крикнув мне:

— Езжай, догоню. — Похоже, юноша обрадовался приключению. Как-никак, самого князя сопровождать будет, пусть и мелкого, причем и в прямом, и в переносном смысле. И действительно, должность у него теперь почетная — заместитель командира княжеской охраны. Или даже дружины, так еще солиднее. Будет, что потом девкам на посиделках рассказывать и чем прихвастнуть.

Водрузив мальчонку на лошадь, я задумался, как его лучше усадить, однако Ярик уже пристроился в седле, ухватившись ручонками за луку. Ну да, здесь уже в пять лет сажают на коня, а этому, похоже, не меньше семи годков минуло.

Хорошо, дите оказалось вполне транспортабельным и этот вопрос решен, вот только в какую сторону мне лучше двинуться? Вскарabкавшись в седло и пихнув ногами лошадку, медленно потрусившую к выходу, я мысленно представлял себе карту района. Примерное направление мне известно — на северо-запад. Но в местной транспортной сети, состоящей из малозаметных тропинок, с которых легко сбиться, и проторенных, а потому опасных зимников, я не разбираюсь. На большую дорогу выходить однозначно не следует, там могут появиться вражеские патрули. В чаще же хотя и полно троп, но неизвестно, куда они приведут. Ладно, положимся на проводника, да он, кстати, уже скачет, ведя за собой моего второго коня, о котором я забыл впопыхах. Несмотря на спешку, Егор успел раздобыть лук со стрелами, что окажется весьма нелишним в походе. К моему удивлению, вслед за ним ехала и одна из девиц, сопровождавших княжича. Впрочем, скептическое изумление быстро превратилось в восхищение — уж очень непринужденно барышня гарцевала на своей

кобылке, и это несмотря на длинную юбку и отнюдь не дамское седло. И личико у девушки очень даже симпатичное, а глаза умные. Не удивлюсь, если она и читать выучилась. Да и стан у красавицы стройный, хотя в древности ценились исключительно дородные женщины. Повезло мне с попутчиками, ничего не скажешь, спасибо князю. Конечно, я не думаю, что Ростислав специально ради меня организовал конкурс красоты. Просто совершенно естественно, что в услужение княжеской семье отбирали самых симпатичных и сообразительных, а в верховой поход неуклюжих не отправят.

Объехав конных дружинников, сосредоточивавших силы на свободной площадке между двумя валами, наш маленький отряд выехал через вторые ворота и покинул город. По пути Егор успел всех перезнакомить, и я узнал, что княжескую няньку зовут Сбыславой. Впрочем, сама девушка представилась Ньюшей, то есть в крещении ее назвали Анной.

Форсировав по льду Жиздры и оглянувшись, я увидел, как с холма к реке спустилось чуть больше полусотни всадников. Князь, легко узнаваемый по своему ярко-красному плащу, остался у ворот. Видно было, как он порывался отправиться на битву и гридни буквально за руки оттащили его назад. Оно и правильно. Городу в любом случае еще предстоит выдерживать осаду, а без князя боевой дух обороняющихся будет подорван, да и командовать кому-то надо.

На северном берегу Жиздры все было распаханно, и лес начинался почти в версте от реки. Прямо туда и повел нас Егорка. По его словам, именно там начиналась кратчайшая дорога, ведущая к Серенску.

Наезженная тропинка, ведущая через поле, была довольно ровная, и лишь один раз моя лошадка неловко споткнулась, но, к счастью, ногу не сломала. Все обошлось, и лишь Сбыслава тихонько вскрикнула, видимо, испугавшись за княжича.

Пока мы спокойно ехали шагом в северном направлении, дружина, вместо того чтобы следовать за нами, повернула вправо, легкой рысью устремляясь к Оке. Хотя мы двигались напрямки, но зато конница по ровному речному льду могла мчаться гораздо быстрее, к тому же не теряя строя. Величественная река сразу за Городцом поворачивала к востоку, но затем, передумав, возвращалась обратно, сделав петлю длиной в версту, и снова текла на север. И вот там, у речного поворота, где заканчивались распаханые поля и начиналась пуца, наши пути с дружинниками снова пересекались и, судя по всему, мы снова с ними встретимся.

Однако, когда лес был уже близок, из-за него вдруг показались татары. Они ехали, не таясь, по льду, как по широчайшей дороге, запрудив Оку от одного берега до другого, и даже не утруждая себя отправкой передовых дозоров.

* * *

Теперь мне все стало совершенно ясно. Видимо, разведчики давно заметили врагов и дружина заранее приготовилась дать им отпор. Но что же они творят-то? Нападать в поле, вернее в реке, ну, в общем, в открытом бою на превосходящего по численности противника, не очень разумное решение. Врага надо встречать стоя на стенах. Даже не читая уставов и наставлений по обороне крепостей, понятно, что осаждающие несут потери намного большие, нежели осажденные. Но, с другой стороны, сидеть в деревянном городе и ждать огненного дождя тоже не дело, а татары наверняка ехали всю ночь, раз так быстро успели, и измучены долгим переходом. Так что не так уж и глупо напасть первыми, перебить

передовой отряд монголов, взять языков и выпытать у них диспозицию вражеских подразделений, а также дальнейшие планы. Если выяснится, что сюда приближаются основные силы противника, то грузить скарб на сани и деру.

Стометровой ширины река, закованная льдом, лишь на пару вершков запорошенным снегом, представляла собой идеальное место для боя. Все шесть десятков городецкой кавалерии выстроились в одну линию, а Бяслэг, если это, конечно, он, построил свой отряд тремя шеренгами по пятьдесят всадников. У него должно быть в наличии две сотни, но, видимо, один взвод остался сторожить заводных лошадей и скарб. Впрочем, и без того численное превосходство у татар значительное.

Однако, шансы на победу у наших имелись. Егорка, видя мое возмущение, пояснил, что, когда дозорные заметили ночью татар, то еще затемно в лес отправили лучников — и не только смердов, но и дружинников.

Леший его знает как, но ни одна ворона не взлетела над рощей, в которой прятался засадный отряд. То ли лучники заранее распугали всех птиц, благо, что зимой птенцов нет и держаться за одно место воронам смысла не было. То ли они неподвижно сидели несколько часов, притворившись камнями и закрыв морды лошадям. В общем, монголы выстроились всего лишь в полусотне шагов от засады, ничего не заподозрив. Кстати, судя по доспехам, вернее, по отсутствию оных у большинства пришельцев, никакие это не монголы, а обычные куманы, составлявшие едва ли не половину от Батыева войска. Лишь знамя-бунчук из кобыльего хвоста роднило их с завоевателями полумира. Впрочем, не только это. Строгая дисциплина, привитая монголами, отличала этих кипчаков от «диких» собратьев, позволяя одерживать грандиозные победы, прежде немыслимые. Вот и сейчас половцы сидели в седлах, не шелохнувшись, и даже лошади не махали хвостами, отгоняя кровососов. Хотя откуда насекомым взяться, зима на дворе.

Нам с княжичем, конечно, следовало повернуть влево и как можно быстрее уходить в лес. Но пока гнаться за нами никто не собирался, так как у бяслаговцев были задачи и поважнее. Так что я решил остаться, чтобы узнать результаты битвы.

Зрелище изготовившейся к бою рати было завораживающим, и я смотрел, не отрывая глаз, благо острота зрения у меня, как и у других спасателей, почти двухсотпроцентная. Кажется, сейчас враги выпустят тучу стрел, а потом сорвутся в галоп и, опустив копыта, ринутся в сечу. Стыдно признаться, но мне на миг даже захотелось вытащить меч и безоглядно броситься на помощь нашим, наплевав на все уставы и наставления Службы.

Егорка, не меньше моего очарованный красотой конного строя, тоже не дыша, наблюдал за удивительным зрелищем. Похоже, это первый бой, который ему приходится видеть. Спокойно, как на веселую потасовку во время Масленицы, глядел и княжич, с младых ногтей приученный к выдержке и хладнокровию. Лишь Сбыслава, видимо, сильно заробела, потому что подъехала поближе и в страхе прижалась ко мне своим плечом. Увы, но девушкам недоступно понимание грозной красоты готовящегося к смертельной схватке войска.

Однако вдоволь полюбоваться на прекрасную картину стоящих ровными рядами всадников мне не дали. Из леса вдруг метнулись к завоевателям маленькие иголки, заставив их дрогнуть, а лошадей подняться на дыбы. Все это произошло в полном безмолвии, и лишь через мгновение донеслись звуки древнего сражения. Щелкнули в морозной тишине тугие тетивы, свистнули смертоносные стрелы, заржали пораженные в бока кони и завизжали

кипчаки — то ли от возмущения, то ли подгоняя друг друга в битву.

Первая фаза боя началась для нас вполне удачно. Несколько десятков ополченцев, вооруженных охотничьими луками, с огромной скоростью посылали стрелы, оснащенные тяжелыми срезнями, в степных лошадях, неуловимых в бескрайней степи, но очень уязвимых сейчас. Лишь немногие из них были укрыты кожаными попонами, и потому большинство коней остались беззащитны перед стрелками, привыкшими к куда более мелким целям. Еще человек двадцать дружинников, вооруженных тугими составными луками, усиленными сухожилиями, выцеливали кольчужных всадников, не знавших, закрываться им щитами спереди или сзади. Длинная стрела с тонким наконечником в виде шила, летящая со скоростью семьдесят, а то и восемьдесят метров в секунду, без труда пробивала кольчуги, глубоко втыкаясь в тело. Незнатных же воинов, защищенных лишь кожаной броней, тяжелые стрелы могли прошить даже насквозь.

Степняки заметались, пытаясь спрятаться от невидимых лучников, жалящих их стрелами, но требовательный низкий глас рога бросил сотни вперед. Неспешно, чтобы не нарушить строй, куманы начали погонять лошадей. Однако навстречу им уже шла, разогнавшись, железная стена, оцетинившаяся копьями. Дела половцев сразу же стали плохи. Без предварительно залпа, без разгона, на усталых израненных лошадях и со щитами, висящими за спиной, дебют они однозначно уступали. Не успели кипчаки проехать и полсотни шагов, как на них накатила смертоносная лавина кованой городецкой рати.

Русские всадники, все до единого одетые в броню, закрытые прочными щитами и вооруженные тяжелыми копьями, представляли, несмотря на свою малочисленность, серьезную опасность для расстроенных рядов степняков. Первая же сшибка окончилась победой с большим перевесом в пользу наших. Лишь немногие из дружинников вылетели из седла, а у куманов первый ряд сразу же уполовинился.

С мгновенным запозданием донесся до нас адский грохот, как будто поблизости ударила молния, и в уши ворвался грохот боя. Нельзя было различить ни отдельных криков, ни ржания покалеченных лошадей, ни треска и звона от ударов. Все слилось в один ужасающий гул. Вот когда я пожалел, что хирургическим вмешательством и новейшими препаратами слух у спасателей делают таким тонким.

Дрались противники нещадно, однако ряды они не перемешали, и общей свалки не получилось. Наши потеряли скорость еще в первой сшибке, когда налетели на врага, а степняки едва только перешли на рысь, и потому, столкнувшись, всадники остановились, сохранив некое подобие строя.

Задний ряд половцев, стоявший менее чем в одном перестреле от леса, изнемогал под назойливым, как укусы комариной стаи, дождем стрел. Передний же попятился назад от яростных русичей, пылавших праведным гневом. Копья у них или сломались еще в первые же секунды боя, или же застряли в телах противника, поэтому дружинники вытащили мечи и сабли. Лед, по которому прошла линия фронта, сразу потемнел от крови и забугрился телами павших. Раненые, упавшие с коней, катались от боли и, наверное, зажимали руками отрубленные конечности и вспоротые животы. Лошади, оставшиеся без седоков, разбегались кто куда, прочь от сшибки. Некоторые назад в крепость, но большинство вверх по реке.

Вражеский командир попытался вывести свой отряд на восточный берег реки, однако заледенелая круча оказалась не по зубам, вернее, не по копытам лошадям. Вторая попытка — уйти через пологий западный берег — окончилась еще более плачевно, так как стрелки засадного отряда сразу же усилили огонь по приблизившимся всадникам. Положение

нападающих стало безвыходным. Хотя половцам было не привыкать к лихим набегам, но большинство из них не имело кольчуг и предпочитало воевать на расстоянии, луком и стрелами. Лишь небольшая часть куманских воинов была хорошо подготовлена и экипирована для рукопашной битвы, однако как раз на этих витязей пришелся первый удар дружинников.

Оказавшись меж двух огней, половецко-татарский отряд таял прямо на глазах, и каждого сверженного с коня кумана дружинники провожали яростным ревом, казалось, черпая силы из крови врагов. Еще немного, и оставшиеся в живых противники бросят оружие на землю, покупая себе жизнь ценой неволи.

* * *

Но, увы, не взошло в тот день солнце на Городцом, в переносном смысле, конечно.

Монголы не хуже русских знали толк в засадах, а практики у них имелось не в пример больше. И ведь вдалбливали мне в голову преподаватели истории, что опытные Чингисовы полководцы избегали фронтальных ударов, предпочитая обходы и маневры. Пройти там, где противник не ждет, и сосредоточить против него превосходящие силы — вот залог победы, что они сейчас блестяще и продемонстрировали. Правда, лишь позже мне стало ясно, что же произошло: Очирбат, за свою жизнь прошедший с боями тысячи километров и чьему опыту позавидовал бы сам Наполеон, бросил обоз и, проведя с помощью проводников и разведчиков свою полутысячу по лесным тропам, устроил западню.

Но в тот момент все происходящее было полной неожиданностью. Вдруг истошно зазвенело бронзовое било на башне, вынудив обернуться и посмотреть, что там происходит. Но лучше бы не смотреть, уж очень жутким было зрелище. В полукилометре к востоку от места битвы из леса неожиданно вывалила непонятная темная масса, затмившая лед, и сразу же устремилась на помощь погибающим половцам. Почти не снижая скорости, всадники выстраивались в цепи, а потом мчались, на ходу натягивая луки. Еще издалека они обстреляли дружинников, не заботясь о том, что могут пострадать и союзники, а приблизившись на половину перестрела к месту сшибки, дали неприцельный залп по прятавшимся в засаде лучникам.

Первая шеренга уже наклонила копья, готовясь к удару. Хоть и считается, что в бою татары бросают вперед покоренные народы, но тут явно не тот случай. Здесь всадники в передовой цепи через один были в железных масках, и даже головы коней прикрыты чем-то блестящим. И хотя без бинокля подробностей было не разглядеть, лошади у степных рыцарей явно подкованы, иначе они не смогли бы так резво скакать по льду, выбивая копытами вихри снежинок. Пусть и показывают в фильмах, что монгольские воины защищены лишь маленькими щитами и лохматыми шапками, но в реальности, увы, совсем не так. Даже в семнадцатом веке у монголов еще существовал закон, по которому каждые двадцать кибиток ежегодно поставляли правителю железный панцирь. Что уж говорить о Батыевой рати, собравшей трофеи со всей Азии.

Второй ряд шел на некотором отдалении, оставляя себе место для маневра. Копья там тоже уже отстегнули, но держали пока вертикально. Задние шеренги продолжали, пусть и не очень прицельно, засыпать противника стрелами.

К такой перемене в ходе сражения городецкая дружина оказалась не готова. Забыл князь

приготовить планы Б, В, и прочие буквы. Плохо он наладил и систему сигналов. Пока увлеченные рубкой витязи обратили внимание на звуки била и гудение рога, пока осмотрелись по сторонам, пока посовещались... пути отступления уже были отрезаны.

Воевать в окружении при десятикратном перевесе противника — затея безнадежная. Прорваться к крепости также явно невозможно. Единственный выход — одновременно рвануть в лес и уже там, на узких тропинках, где численность нападающих не имеет значения, отступить с боем. В общем-то, дружинники так и сделали, за одним маленьким исключением — они ринулись в лес не все вместе, а порознь, кто куда. Может быть, погиб командующий, или же он не успел оценить обстановку, но вместо планомерного отступления получился беспорядочный отход.

Вспомнив, что передо мной не кино, а суровая действительность, я дернул левый повод и пихнул лошадку шпорами. Сейчас татары пошлют карательный отряд прочесывать лес, так что пора уходить. Без команды, прекрасно понимая опасность ситуации, спутники дружно заторопили коней, и через считанные секунды мы скрылись в зарослях. Впереди всех, как лихой командир, скакал, естественно, я. Впрочем, довольно скоро понял свою ошибку и пропустил вперед Егорку — он-то куда лучше меня знает местность. Девушка не отставала, держась вровень со мной, хотя свою кобылку особо не понукала, да и за поводья держалась едва-едва. Видать, Нюша с детства привыкла к верховой езде, чего, увы, обо мне не скажешь. За считанные минуты лихой скачки я умудрился отбить себе всю нижнюю часть тела. Но уверенный вид Сбыславы, спокойно сидящей в седле, покрытом для мягкости овечьей шкурой, и равномерно покачивающейся в такт лошади, подействовал благотворно. Немного придя в себя, я вспомнил о правильной посадке и перестал судорожно сжимать пятками бока лошади. Ехать сразу стало легче.

На рысях — как можно быстрее, но в то же время не загоняя лошадей, наш мини-отряд поспешил по тропе.

Разогнавшись, поджарые степные лошади, застоявшиеся без дела, вошли в раж и радостно скакали, едва не переходя в галоп. Нахлестывать и понукать их не приходилось, только замедлять ход. Отлично выездженные, они прекрасно понимали команды, причем даже голосовые. Правда, для полноценного управления моей кобылкой нужно уметь говорить по-кумански, но это не проблема.

Зимник, проложенный через лес, был достаточно широким, чтобы по нему могли проехать самые большие сани, а всадники без труда ехали по двое в ряд. Впереди мчался, пригнувшись к лошадиной шее, Егорка, ведущий рядом второго коня, и при этом еще умудрявшийся держать в руке лук. Мы с Нюшей держались в отдалении, чтобы ошметки грязи, вылетающие из-под копыт, не долетали до княжича. Достаточно и ледяного ветра, дующего прямо в лицо, а также падающего с еловых лап снега, норовящего попасть прямо за шиворот.

Дорога слегка петляла, но, в общем, шла в нужном направлении, лишь иногда огибая особо трудные препятствия или спускаясь в балки. Хвойные деревья сменялись березняком, обозначающим места недавних вырубок, а те чередовались с прореженными дубовыми рощами. Затем снова начался густой еловый бор, в котором высоченные деревья затеняли свет, так что казалось, будто наступил вечер. После получаса такой езды ни одной живой души нам еще не встретилось, и у нас забрезжила надежда на благополучный исход путешествия. Похоже, что от потенциальной погони нам уйти удалось. Однако условный рефлекс заставил меня резко притормозить перед крутым поворотом и крикнуть Егорке,

чтобы он сбавил ход.

Рефлекс этот получен отнюдь не в ходе тренировок, а на автомобильной трассе за городом. Однажды из-за такого же вот поворота, закрытого деревьями, выскочил на спортивной машине лихой джигит, додумавшийся отключить автопилот и, не сбавляя скорости, совершить обгон на участке с ограниченной видимостью. Естественно, на встречной полосе он лоб в лоб столкнулся с грузовиком, а я с тех пор проявляю повышенную осторожность в таких опасных местах.

Остановились мы вовремя. Как только сдвоенный перестук копыт наших коней стих, встречный ветер донес до нас равномерный гул от движения небольшого отряда всадников. Сбыслава метнула на меня восхищенный взгляд, полагая, что узреть невидимую засаду мне помогло шестое чувство, а Егор машинально поднял руку к плечу, пытаясь нащупать оперенье стрел. Вспомнив, что у наездников боезапас не носится за спиной, а прикреплен к седлу, отрок наконец нашел искомое и откинув крышечку с тула^[6], достал бронебойную стрелу.

Топот приблизился, и я уже собирался скомандовать отход, но некоторые неповторимые идиомы, громко произнесенные вслух и донесенные до нас порывами ветра, убедили в том, что перед нами свои. Иностранец, даже после обучения в ЦРУ, так сочно выразиться не сможет. От радости я даже потерял руки. Вот и замечательно — отдам им обузу и свалю. Меня сюда прислали за летописью, а не детский сад открывать. Послав подчиненного вперед, все-таки Егорку местные ратники в лицо хорошо знают, я с опаской тронулся следом.

Так и есть — городецкие дружинники. Сначала показался дозорный, истово махавший руками и кричавший, чтобы по нему не стреляли, а за ним выехала дюжина всадников. Они, как и мы, убегали от монголов, только параллельной дорогой, пока наконец, наши дорожки не пересеклись. Однако, даже отступая, боеспособности грядни не потеряли. Помятые щиты с иззубренными краями и торчащими обломками стрел никто не бросил. Копий мало, и это понятно — они ломаются в первой же сшибке или остаются в телах врагов. Зато мечи или сабли есть у всех, а у некоторых в комплекте даже имеется второе оружие — булава, кистень или клевец. Правда, лица у ратников усталые, доспехи покрыты бурыми пятнами, пластинки на них измятые или болтаются полуоторванные на одной заклепке.

Интересно, что в фильмах про средневековье киноактеры сплошь и рядом идут в бой без шлема, жертвуя исторической достоверностью для того, чтобы дать зрителям насладиться своим гордым профилем. Но люди еще в древности поняли, что голова — самая уязвимая часть тела, и в первую очередь пытаются защитить именно ее. Если, к примеру, у крестьянина имеется парочка железных пластинок, то идя на войну, он нацепит их на шапку, чтобы сберечь самое дорогое. Ни одному дружиннику не придет в голову не закрыть эту самую голову шлемом с бармицей и наносником, а лучше полумаской. Среди встреченных ратников у двоих даже имелись стальные личины, полностью прикрывающие лицо. С торчащими из-под них бородами, богатыри немного походили на гномов из фэнтэзийных фильмов, особенно один низкорослый витязь с топором на длинной толстой рукоятке. Ему бы еще гномий плоский шлем вместо русского конического, и можно сниматься в «Средиземье триста лет спустя».

Бойцы обрадовались еще больше, чем я. Конечно, не тому, что с ними теперь целый боярин в моем лице, а своему княжичу, а также возможности под благовидным предлогом удалиться от места побоища. Окажись врагов в два-три раза больше, впрочем, так первоначально и было, они бы не уклонялись от схватки. Но с десятикратным перевесом...

тут говорить не о чем.

Взаимное представление много времени не заняло, благо меня уже многие видели, а новости здесь разносятся быстро. Некоторых воинов я тоже в лицо узнал, но вот самый представительный из них, Фрол Капеца, мне в Городце совершенно точно еще не попадался, хотя физиономия и казалась смутно знакомой. Однако его великолепные доспехи — золоченый шлем, блестящие посеребренные наручи, чешуйчатые оплечья и большая пластина, прикрывавшая грудь, — слишком примечательные, и не запомнить их было невозможно. Фрол в свою очередь также пристально вглядывался мне в лицо и, вдруг весело хмыкнув, радостно воскликнул:

— Боярин, ты же схимником недавно был! Но я рад, что ты снова стал ратником.

Теперь стало ясно, что мы действительно уже сталкивались, но только не в этом году, а во время одного из предыдущих заданий. Из моих девяти выходов в прошлое только один пришелся на тридцатые годы тринадцатого века, и тогда я действительно играл роль монаха. Понятно, что в поисках летописей и иных письменных документов спасателям все время приходится отираться возле монастырей. Но обычно мы рядимся в бояр, и лишь иногда приходится переодеваться чернецом. Все бы ничего, но мое поведение во время нашей встречи под Переславлем... хм, несколько выходило за рамки привычного. Но моей вины тут особо нет. Шел себе по лесу в поношенной рясе и, несмотря на прохладную погоду, босиком, рассчитывая, что на мою персону в таком виде никто покушаться не станет. И действительно, встреченные по пути разбойники ограничились лишь презрительными взглядами в сторону монаха-оборванца. Так бы и прошел мимо, если бы тати в это время не грабили несчастных прохожих, на свою беду оказавшихся сравнительно зажиточными. И ладно, если бы разбойничали голодные крестьяне, которых на большую дорогу толкнули неурожай или военные действия. Но нет, эти оказались настоящими профессионалами. Одеты хорошо, бороды аккуратно подстрижены. Кое у кого на голове красуются железные шапки^[7], а на кожуки местами нашиты стальные пластинки, прикрывая самые уязвимые части тела. У каждого второго в чехле за спиной висит щит. Вожак, с непроницаемым лицом бывалого воина, вообще блистал новенькими поножами и наплечниками, а шею закрывал высокий кольчужный ворот, сплетенный из больших плющенных колец. Вооружены лихие люди отнюдь не дубинами или крестьянскими секирами^[8], а боевыми копьями, топорами, чеканами и даже короткими мечами. И все это железо тщательно начищено и блестит не хуже, чем у княжеских дружинников. Таких вот хорошо экипированных и признающих дисциплину бродяг называют охочими людьми. Обычно они подвизаются на охране купеческих караванов или ходят в Югру за пушниной, а при случае нанимаются к какому-нибудь князю на время похода. Но эта ватажка вместо честной и достаточно прибыльной работы выбрала путь злодейства и разбоя.

К моему приходу как раз этим нехорошим делом шайка и занималась. Двое разбойников держали за локти истошно кричавших мужиков, не желавших расставаться с имуществом, еще двое тщательно их обыскивали, не забывая даже вытряхнуть сапоги и развернуть обмотки. Главарь банды следил за процессом, давая указания, а его помощник время от времени старательно бил крестьян кулаком, видимо, отрабатывая удар. Протестов такое вопиющее поведение ни у кого из товарищей «боксера» не вызывало. Наоборот, его соратников также было решительно невозможно обвинить в гуманизме при обращении с пленными.

Скорее всего, после окончания забавы несчастных селян отпустят, но они почти наверняка станут инвалидами, неспособными содержать семью.

Инструкция гласит, что при встрече с криминальными элементами иноку позволительно скрыться бегством и лишь в исключительных случаях разрешается прибегнуть к мягкому увещеванию. Именно так я и поступил, постаравшись вложить в слова всю силу убеждения. Большая часть слушателей проповедь проигнорировали, но один из душегубцев, а именно «спортсмен», тренирующийся на живых людях, подошел поближе. Разумеется, вовсе не из желания вступить в диспут с образованным человеком. Нет, он в полном согласии с рассчитанной моделью поведения разбойников и без лишних церемоний попытался отвесить мне оплеуху. Надо сказать, удар по лицу бронированной перчаткой нес серьезную угрозу моему здоровью, а следовательно, и выполнению задания. Поэтому дальше все пошло на автомате. Совершенно машинально я четко отработанным движением саданул посохом прямо в лоб святотатцу. Длинная тяжелая жердина, которую ввиду отсутствия оружия мне приходилось таскать, сделала то, чего не смогли добиться логика и доброе слово, утихомирив нехорошего человека. Молча переглянувшись, пятеро оставшихся разбойников прекратили мучить свои жертвы и дружно схватились за оружие. Видно, что тати привыкли сначала бить, а потом думать. Поэтому они не сразу поняли, что первый смертельный удар схимника не был случайностью, и подходили ко мне по одному, вразнобой.

Самый молодой и самый шустрый из них подбежал первым, стараясь показать остальным свою прыть и доблесть. Еще на бегу он выхватил из-за пояса топор и выписывал им в воздухе «восьмерку». Взмах посохом, и, получив тычок по голени, юнец опрокинулся на траву. Топор он не выпустил и, перекатившись на спину, даже попытался встать, а потому мне пришлось повторить удар, но на этот раз по горлу. Все равно разбойника в ближайшее время изловили бы княжеские кмети, и штрафом за свои злодеяния он бы не отделался. Но о системе наказания в древней Руси я размышлял потом, а в эту секунду ко мне уже летел другой оглашенный, выставив копьё. Ну не понимаю такой логики. Вот видел же человек, что инок два раза подряд одолел его товарищей, и все равно прется на рожон, не дождавшись подкрепления. Согласен, что копьё с острым железным наконечником лучше простой палки, но и про момент инерции забывать не стоит. Мне достаточно чуть отклониться в сторону, а он бы так и пробежал мимо, если бы не мой посох, оказавшийся у него прямо под ногами. Забавно, что разбойники два раза подряд попались на один и тот же прием.

Увидев, что от первоначального состава банды осталось ровно пятьдесят процентов, грабители поспешно отошли назад, и вожак самолично взялся за лук. Однако выпущенные им три стрелы удивительным образом попали прямо в посох, превратив его в подобие гигантского гребешка. Впрочем, что тут удивительного, если его лук — простая деревяшка, не чета тутому составному луку дружинников. Однако, ничуть не смутившись, разбойник достал сулицу^[9] и с размаху швырнул в меня. Дротик опять-таки вполне ожидаемо задел волшебную жердину и рухнул к моим ногам. Затем наступила очередь топора, который, в общем-то, метательным оружием не является, но, тем не менее, в опытных руках приобретает способность метко попадать в цель. Крутящийся и воющий топор, поющий страшную песню смерти, летел мне прямо в лицо, но на самом деле особой опасности не представлял. Жесткие тренировки и полученные на них многочисленные синяки не прошли даром, так что через мгновение я уже крепко сжимал топорнице в ладони. Конечно, проделал это не так ловко, как индейцы в фильмах ловят томагавки, но все же с задачей справился. Помня, что по разработанной в центре легенде вооружаться мне нельзя, я отбросил топор в

сторону, постаравшись сделать это с максимально презрительным видом.

Зарывав от злости, бандиты дрогнули и нерешительно начали озираться, раздумывая, не скрыться ли от сумасшедшего монаха в лесу. Но главарь хлесткими фразами и недвусмысленными взмахами меча убедил подчиненных завершить начатую работу. Хотя противники сначала и недооценили боеспособность отдельно взятого монаха, за что и поплатились, но теперь они додумались перейти к тактике окружения. Коротко посоветовавшись, причем вожак повернулся ко мне спиной и я не мог прочитать по губам, что он говорит, разбойники начали обходной маневр. Понимая, что им нет смысла соревноваться с мастером фехтования, главарь вооружился клевцом, видимо, рассчитывая зацепить им мой посох. То же самое сделал один из его подручных, и лишь третий, самый старший по возрасту, с пегой от седины бородой, взял короткое копье. Обступив меня с трех сторон, охочие люди закружились в зловещем хороводе, ожидая удобного момента. Признаюсь, мне стало жутко. Одно дело, сражаться, когда тыл закрыт стеной или прикрыт товарищем, и совсем другое — ожидать удара в спину.

Атака началась неожиданно, без всякого сигнала. «Пегий» проворно шагнул вперед, выбросив в мою сторону руку с копьем, и я решил, что его ладонь с узловатыми почерневшими пальцами — это последнее, что я вижу в жизни. Но бойцовский навык у меня никуда не делся, и посох мгновенно отбил вражеский выпад. Впрочем, план разбойников себя действительно оправдал. Пока один из них усердно тыкал в меня копьем, остальные успели приблизиться. Отважный тать-копьеносец ценой своей жизни выгадал несколько мгновений, и оставшиеся двое бандитов выхватили у меня посох, наивно полагая, что братья за оружие мне не позволят строгие обеты, а кулаком я им много урона не нанесу. Все это, конечно, так, но они забыли, что бить можно не только руками, но и ногами.

В общем-то, пнуть противника в живот — прием хорошо известный, но вот ударам ногами в прыжке здесь не учат даже дружинников, а тем более, монастырскую братию. Узрев, как инок подпрыгнул, крутнувшись юлой, и стремительно вылетевшая из-под рясы грязная ступня выбила дух из вожака шайки, последний выживший разбойник бухнулся на колени. Довольный оказанным эффектом, хотя и несколько смущенный нарушением устава Службы, я приготовился произнести внушение раскаявшемуся грешнику, как сзади что-то грохнуло и звякнуло. Поддев пальцем ноги валяющуюся сулицу и подбросив ее в воздух, я мгновенно развернулся, присев в «позу всадника» и выставив вперед левую руку, а правой, не глядя, поймал копье. Но, как оказалось, сделал все это зря, потому что на меня во все глаза смотрели несколько дружинников, явно никогда прежде не видевших стиль Шао-Линя. Ратники, услышав крики несчастных, мчались скорее на помощь, а приехав, стали свидетелями разборок в стиле кун-фу. Разумеется, в монастырях жило немало отставных ратоборцев, но восточные школы боевых искусств на Русь пока не проникли, и чтобы вот так в полете достать голову противника пяткой, такого здесь еще не видели. Потрясенные зрелищем, гридни не проронили ни слова, когда я гордо удалился, подобрав рясу.

Неудивительно, что Фрол надолго запомнил необычного чернеца и горел желанием увидеть, что же инок сумеет натворить, если ему дать меч.

Только интересно, что Капеца здесь делает, в чужом краю. Впрочем, недоумение быстро разрешил Егорка, который, как второе лицо в отряде, почитал себя обязанным все докладывать своему командиру.

— А Фрол неместный, он из дружины боярина рязанского Евпатия Львовича. Тот, когда

из Чернигова спешил в Рязань, проходил здесь, а Капеца занедужил и у нас остался. Все собирался вернуться, да не успел.

Вот оно что. Евпатий Коловрат, отправленный послом к черниговскому князю, не дождался от него никакой помощи и лишь получил разрешение набрать три сотни добровольцев. Желаящих воевать с погаными в черниговской дружине нашлось куда больше, чем триста, хотя все и понимали, на что идут. Неудивительно, что выздоровевший Фрол тоже без малейших колебаний присоединился к городецкой рати.

Однако командовал уцелевшим подразделением вовсе не Капеца, а десятник Василий Плещей — чернобородый здоровяк, невероятно широкоплечий, в полном соответствии своему прозвищу^[10]. Он вышел из боя практически без царапины, лишь султан на высоком шлеме сбила вражеская сабля, но вот коня витязь потерял. Зато теперь Василий восседал на великолепном трофейном жеребце самаркандской породы, от головы до хвоста покрытом пластинчатым монгольским доспехом. Меня даже на секунду охватила зависть, ведь у моей лошаденки не имелось даже стального налобника или латного оголовья.

Убедившись, что с Ростиславом все в порядке, Плещей с надеждой спросил, не помешают ли дружинники выполнению моей миссии. Отказываться я, естественно, не стал, но переговорить предложил в более укромном месте.

— Что мы тут на перекрестке торчим как три тополя на Плющихе... — Кстати, интересно, откуда это выражение появилось? Судя по недоуменным лицам ратников, оно не из этого периода. — Надо отъехать подальше.

Возражений не последовало, и Василий указал отряду направление, в котором надлежало двигаться. По едва натопанной тропинке мы углубились в самую пущу, подальше от просеки. Как только тропа стала пошире, десятник повел лошадь рядом со мной. Понизив голос, Плещей без лишних предисловий спросил мое мнение о шансах продолжительного сопротивления города захватчикам:

— Городец все?

Хороший вопрос. Хотелось бы обнадежить соратника, но лучше сказать правду.

— В нем, небось, доспешных почти не осталось, — попробовал я прозрачно намекнуть на безвыходность ситуации.

— Дружинников пару дюжин, — начал считать Плещей, — да среди купцов и слободских еще десяток латников наберется. Остальным город даст щиты и копыя, но что черный люд может сделать супротив большой рати?

— Вот, Василий, ты и ответил на свой вопрос.

— Неужели они долго не продержатся? — никак не мог поверить в очевидное десятник, что, впрочем, легко объяснимо. Будь это чужой город, он бы смотрел на ситуацию более объективно. Придется резать правду-матку прямо в глаза.

— Когда мы языка допросили, тот дал показания, что идет Очирбат с полтысячей и везет стенобитные снасти. Как только обозные сани подъедут, татары достанут крючья, ломы, железные наконечники для барана^[11] и заодно переметы через ров соорудят. А могут и, не дожидаясь пороков, пойти на штурм. Окружат город со всех сторон, и малочисленные защитники ничего поделывать не смогут. Так что теперь полагайтесь только на себя.

Скрипнув зубами от злости и бессилия, десятник взял себя в руки и перешел к текущим вопросам.

— А куда вы ехать намереваетесь, в Чернигов?

— Нет, князь приказал в Серенск, там проживает некий Тимофей Ратча. Вот этому

боярину и передадим Ярослава, а он уже отвезет мальчонку подальше.

— Да не боярин Тимошка, а старший дружинник, — снова встрял Егорка, ехавший вслед за мной и ловивший каждое слово. — У нас кузнецов всего двое, вот и послали отроков в другой град, чтобы доспехи им закупить. А Ратча новгородец, и лучше него никто не сторгуется.

Ну что же, вполне разумно устроить примерку брони перед тем, как её купить. Конечно, на дворе не шестнадцатый век, индивидуально подгонять готические доспехи под фигуру не требуется. Но хотя бы примерно выбрать размер весьма желательно, хотя бы по принципу маленький или большой. Кольчуги ведь не от балды делали, а с учетом роста, ширины плеч и длины рук. Шлемы тоже не на всякую голову могут налезть. И что послали не владетельного боярина, тоже понятно. Тем сейчас некогда, надо все время хозяйством заниматься. А Серенск город большой... был. Вернее, еще стоит, но очень скоро сторит до основания, и уже никогда не возродится. Но это в будущем, а пока что в нем поболее тысячи жителей. Не сравнится с пятитысячным Козельском, но по числу ремесленников ему в здешних местах равных нет. Ювелиры, гончары, кожевенники и, что очень важно для нас — кузнецы. Буквально целый квартал кузнецов.

— Скажи, боярин, — снова затеребил меня Плещей, — сколько всего басурмане войск привели? Говорят, их хан один палец согнет, и тьму^[12] пошлет. А два кулака сожмет, так это сто тысяч.

— Нет у него десяти туменов, — оспорил я методику подсчета вражеских сил. — Вернее, были, но поубавились. Осталось только пять, хорошо, если семь расчетных диви... туменов.

Изначально Курултай послал в поход на запад тридцать тысяч, и эти силы возросли в несколько раз за счет покоренных народов. К границам Руси монголов подошло вместе с башкирами, половцами и прочими «союзниками», от ста двадцати до ста пятидесяти тысяч. Но это предположительно, а сколько точно войск привел Батый и как много их осталось к весне, я бы и сам хотел знать, да откуда? Запустить спутник не получится, а проникнуть в ставку монголов, чтобы пересчитать войска, пока никому не удавалось, даже китайцам. Так что есть только оценки, да и те весьма приблизительные.

Но все-таки, куда Ярику лучше поехать, и где он сможет переждать нашествие? В Смоленске безопасно, но отправляться туда — это значит точнехонько попасть под удар Батые, который, как еще в школе учили, прошел мимо Смоленска на расстоянии дневного перехода. Вот только такого счастья мне не хватало. Проскочить три сотни верст прямо перед носом татар практически невозможно. В той истории Ярослав как-то выкрутился — то ли спрятался в глухой заимке, то ли его отец прихватил с собой полсотни лучших ратников, способных отбиться от мелких отрядов. Кстати, о самом князе в летописях больше не упоминается, так что не факт, что путешествие для Ростислава окончилось благополучно.

Еще известно, что уцелеет Брянск, но опять-таки, путь туда хотя и короче, чем до Смоленска, но тоже неблизкий. Без планшета трудно сказать, но где-то километров сто восемьдесят по прямой. Третий вариант — сбегать на юг, но это лишь временный выход. В следующем году монголы снова вернутся и, уже не спеша и не торопясь, тщательно разорят черниговские города. Вот уж удружил Ростислав Ясно Солнышко, подкинув неразрешимую задачу. Ладно, попробуем подойти к решению с другой стороны. Дите может до лета затаиться где-нибудь в глухой чащобе, а после ухода орды дружинники отвезут его к

уцелевшим родственникам. Только вопрос, к каким? Но это несложно выяснить. Местные знают, где Ярослава не только с удовольствием приютят, но и помогут восстановить Городец, а мне известно, какие поселения уцелеют. Объединив наши познания, мы вместе выработаем оптимальный план.

Выехав на небольшую поляну, Василий поднял руку, приказывая остановиться, и осадил коня. Минуту все сидели в седлах, не двигаясь и внимательно прислушиваясь, но ни криков, ни посвиста, ни топота до нас не доносилось. Вокруг полная тишина и идиллия. Лишь иногда доносится карканье ворон, да белка, выглядывающая из дупла увешенного убрусам дуба, доедала пойманную мышку. А еще грызун называется. Но чем же несчастному зверьку еще питаться, как не птичками и мелкой живностью, если к весне все орешки и грибочки закончились?

Ратники, кроме двоих дозорных, отъехавших подальше, попрыгали на землю, размять ноги и малость согреться. Теплые плащи взяли с собой не все, но толстые стеганки и кафтаны не дадут никому сильно замерзнуть.

В первую очередь заботясь о лошадях, гридни проверяли подпруги или отваживали запаленных коней, хотя ни одного скакуна, к счастью, не загнали. Пользуясь передышкой, ратники торопливо отхлебывали из бурдюков воды, или что там у них налито. Не успевшие позавтракать, ведь утром всем было не до еды, доставали соты с золотистым медом или грызли вчерашний хлеб. Пара человек даже бросили, как бы невзначай, крошки к подножию священного дуба, благодаря богов за спасение в сече и прося благословения на новые подвиги. Все-таки к дубам даже в девятнадцатом веке ходили за помощью, а местных вятичей только сто лет с небольшим, как крестили. Но не у всех хватало сил и желания даже поест. Например, высокий воин с иссеченными наплечниками и помятым шлемом, сняв с трофейной лошади десятника притороченный войлок, бросил его на снег и улегся, приходя в себя от ушибов и усталости. Наскоро перекусив, дружинники, косясь на Ньюшу, деликатно отвернувшись, потянулись к дальнему краю поляны.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Колючки.

В 1113 году.

5 марта.

Участок стены между двумя башнями.

Собирать дань.

Древнерусское название колчана.

Упрощенный вариант шлема.

В эту эпоху секира — большой топор для рубки деревьев.

Короткое метательное копьё.

Плещей — плечистый.

Тарана.

Десять тысяч.